Лауреат
Букеровской премии

А.С. БАЙЕТТ

РАГНАРЁК

Скандинавские боги
так странно похожи на людей

Рагнарёк
Антония Сьюзен Байетт

Аннотация
А. С. Байетт. Рагнарёк
От переводчика
Об именах
Тоненькая девочка и большая война
Гибель Мира. Начало
Иггдрасиль: Мировой Ясень
Рандрасиль
Homo homini deus est
Асгард
Homo homini lupus est
Ёрмунганда
  1. На мелкоморье
  2. На глубине
Рыбалка Тора
Бальдр
Фригг
Хель
Дом Локи
Тоненькая девочка и время
Рагнарёк
Тоненькая девочка после большой войны

Немного о мифах
Источники
  Мифы
  Книги о мифах
  Некоторые растения и животные
  Предостережения
  И хаос...

Аннотация

«Рагнарёк» – книга из серии древних мифов, переосмысленных современными писателями из разных стран, среди которых Антония Сьюзен Байетт, Али Смит, Давид Гроссман, Су Тун, Ольга Токарчук, Виктор Пелевин и др. Острая, лирическая, автобиографическая книга о пятилетней девочке, эвакуированной во время Второй мировой войны из Лондона в сельскую местность. Она переживает за отца, военного летчика, чья судьба трагически не ясна, и читает книгу скандинавских мифов. Страшные и одновременно поэтические истории о дереве Иггдрасиле, волке Фенрире, змее Ёрмунганде, коварном боге Локи венчает миф о Рагнарёке, гибели богов. Только после чудовищной смерти и разрушения мир может начаться заново.

А. С. Байетт
Рагнарёк

A.S. Byatt
Ragnarok: The End of the Gods
Copyright © 2011 by A.S. Byatt
© Ольга Исаева, перевод на русский язык, 2021
© Издательство «Лайвбук», оформление, 2021

От переводчика

Читатель, знакомый со скандинавским фольклором, должно быть, удивится, встретив на страницах этой книги морское древо Рандрасиль или змею Ёрмунганду вместо привычного змея. Образ Одина, принявшего муки, чтобы дать людям знание, тоже может показаться непривычным в этом новом изложении. Но в ткань древнего мифа здесь вплетен опыт девочки, читавшей о Дикой охоте под гул немецких бомбардировщиков, и женщины, которой довелось осмыслить этот опыт в духе собственной писательской мифологии.

При работе я обращалась к текстам Старшей и Младшей Эдды в переводе А.И. Корсуна, О.А. Смирницкой, С. Свириденко (С.А. Свиридовой) и к немецкому переложению В. Вегнера. Я выражаю глубокую благодарность своим предшественникам и многочисленным исследователям скандинавского фольклора, чьи работы мне посчастливилось прочесть. Имена, кеннинги и названия даны в соответствии с переводом А.И. Корсуна под редакцией М.И. Стеблин-Каменского.

Ольга Исаева

Посвящается моей матери, К.М. Дрэббл, подарившей мне книгу «Асгард и боги»

Об именах

Эта история сплетена из множества историй на многих языках: исландском, немецком и других. Имена героев могут разниться от мифа к мифу. Например, Идуна — то же самое, что Идун. Мне интереснее использовать разные написания, чем пытаться достичь искусственного единообразия. Миф меняется в зависимости от того, кто его рассказывает. Какой-то одной, «правильной» версии мифа попросту не существует.

Тоненькая девочка и большая война

Жила на свете тоненькая девочка. Когда началась Мировая война, ей было всего три года. Девочка помнила, хоть и смутно, время без войны. Мама часто говорила ей, что тогда вдоволь было и меда, и сливок, и яиц. Девочка была бледная и щуплая, как саламандра, с волосами, легкими, как просвеченный солнцем дымок. Старшие вечно твердили ей: не делай того, не делай этого — «потому что война». Так и шли вместе война и жизнь. Но вот парадокс: может быть, девочка

осталась жива именно потому, что взрослые увезли ее из большого города, где заводы варили сталь и множество труб дымило в пропитанном серой воздухе, в провинциальный городок настолько крохотный, что враг навряд ли стал бы его бомбить. С тех пор она росла в скромном раю английской природы. В пять лет каждый день проходила две мили до школы и обратно через луга, заросшие желтыми баранчиками, лиловой викой, золотыми лютиками и ромашками, — луга, обведенные живой изгородью[1], где густо было сперва от цветов, а потом от ягод: тёрна, боярышника, шиповника. В изгороди тут и там высились ясени. Когда на них набухали черные как смоль почки, мама девочки говорила: «черней, чем почки ясеневы в марте»[2]. В маминой судьбе тоже случился парадокс: с началом войны она обрела право на жизнь разума и теперь учила в школе мальчишек — а мальчишки попались ей способные. Прежде замужним женщинам это было запрещено. Девочка очень рано выучилась

---

[1] Примечания: 1

Автор описывает разновидность живой изгороди, в которой кроме кустов встречаются и деревья. У такой изгороди может быть деревянная или металлическая калитка. *(Здесь и далее прим. перев.)*

[2] Примечания: 2

Строка из стихотворения английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892) «Дочь садовника».

читать. Мама бывала ближе и добрей, когда речь заходила о замысловатых сцеплениях букв на бумаге. А отец — отец был далеко. В небе тоже шла война, и он был там, где-то над Африкой, Грецией, Италией, в том мире, который найдешь лишь в книгах. Отца девочка помнила: его волосы, рыжие с золотом, и ясные синие глаза, как у бога из древних мифов.

Девочка знала где-то на глубине — хоть и не смогла бы это высказать — что взрослые живут в страхе неотвратимой беды. Весь привычный им мир стоял на краю гибели.

Зеленый рай английской провинции не погиб, как многое другое, не был втоптан в грязь армейскими сапогами. Но страх не кончался, даром что взрослые пытались его скрыть.

В душе девочка знала, что отец, ясноглазый и золотой, не вернется никогда. А взрослые в конце каждого года цедили по глоточку сидр за его возвращение. Девочка не смогла бы этого высказать, но в ней нарастало самое настоящее, горькое отчаяние.

Гибель Мира
Начало

Как что-то возникло из ничего? — вопрос старинный, занимавший девочку больше, чем ее собственное появление на свет (впрочем, может быть, это сейчас так кажется). Девочка с неутолимой жадностью поглощала сказки. Черненькие на белом значки складывались в горы, оборачивались деревьями, лунами, звездами, драконами, карликами. Целыми лесами вставали они — там обитали волки и лисы, там обитал мрак. Шагая через луга, девочка сочиняла собственные сказки

с яростными всадниками и темными пучинами, с добрыми лесными чудами и коварными ведьмами.

И вот однажды, став уже чуть постарше, она повстречала книгу под названием «Асгард и боги». Книга была увесистая, в зеленом переплете, с удивительной картинкой, которая, казалось, вот-вот сорвется с обложки и улетит: среди туч и зазубренных молний мчит верхом Один со своей Дикой охотой, а из устья подземной пещеры с тревогой следит за ним карлик в мягком колпаке. В книге было множество загадочных, невероятно тонких и подробных гравюр: волки и бурные реки, призраки и парящие девы. Это была ученая книга, в свое время мама девочки готовилась по ней к экзаменам по древнеисландскому и древнескандинавскому языкам. И, как ни странно, написал ее немец, доктор Вильгельм Вегнер. Девочка, привыкнув прочитывать книги от корки до корки, не стала пропускать введение: автор в нем грезил о возрождении «исконного германского мира с его чудесами и тайнами». «Германский» значит «немецкий», «немцы». Тут была загадка. Тоненькой девочке снились страшные сны: немцы швырнули ее родителей в зеленую яму в темном лесу, а сами залезли к

ней под кровать и пилят ножки, чтоб добраться до нее и убить. Значит, были какие-то другие, исконные немцы? Не только те, что сновали по ночам в небе, сбрасывая на людей смерть?…

Еще в книге говорилось, что это истории нордических народов, то есть, северных: норвежцев, датчан, исландцев. Девочка, живя на севере Англии, привыкла считать себя северянкой. К тому же их края в свое время были под викингами. Получалось, что это — ее истории. Книга превращалась в страсть.

Девочка часто читала по ночам, тайком, под одеялом с фонариком или в тусклом луче, проникавшем в дверную щелку из освещенного коридора, где окна были завешены светомаскировкой. Еще одну книгу она читала и перечитывала: «Путь Пилигрима» Джона Беньяна[3]. Пилигрим искал дорогу в Грядущий мир. Он нес мучительное бремя грехов — у девочки даже кости ныли от этой тяжести. Вместе с ним она увязала в Топи уныния, странствовала в лугах, и в горах, и в Долине Смертной Тени. Вместе с ним противостояла Великану Отчаяния и адскому демону Аполлиону. Но книга Беньяна имела ясный

[3] Примечания: 3

Джон Беньян (1628–1688) — английский протестантский проповедник, религиозный писатель.

посыл. С «Асгардом» все было не так просто: тут целый мир таинственно возникал, наполняясь существами колдовскими и могущественными, а потом приходил к концу. Это был конец настоящий. Последняя страница, за которой — ничего.

На одной из картинок в «Асгарде» были изображены Исполиновы горы[4]: в ущелье бежит река, над ней вонзаются в небо каменные колонны, ни на что живое не похожие. А среди колонн — люди или скалы? Бугроватые головы без лица, руки-обрубки… Один из склонов покрыт серой щетиной леса. На ближнем берегу реки едва видимые люди-муравьишки задрали головы кверху, смотрят. Странные каменные создания укутаны длинными клоками тумана… Девочка прочла рядом:

«Подобно всем прочим, мифы о великанах и драконах создавались постепенно. Сначала эти странные существа напрямую отождествлялись с предметами и явлениями природы. Позже у них появились обиталища: скалы и расселины. Наконец, обретя личность, они переселились в собственное королевство Ётунхейм».

Разглядывая картинку, девочка ощущала странное, острое удовольствие. Она знала, хоть

---

[4] Примечания: 4

Исполиновы горы — горный массив на границе Чехии и Польши.

и не смогла бы это облечь в слова: дело в тончайшем соотношении точности и гадательности рисунка. Глаз должен был потрудиться, чтобы скалы ожили, и они оживали — всякий раз по-новому, как и задумал художник. Девочка знала, что увиденный издали куст или пень может на миг превратиться в клыкастого пса, готового прянуть, а длинная ветка — в змею с блестящими глазами и трепещущим раздвоенным жалом.

Так и видели мир люди во дни, когда рождались боги и чудища.

Девочка думала о каменных великанах, и мир полнился тревожной и своевольной силой. Ей хотелось сочинять собственные истории. Детей готовили к бомбардировкам, а в окошки ее противогаза заглядывали бугроватые каменные головы, ждавшие, когда она придумает им лица.

Каждую среду младшеклассники ходили в местную церковь на уроки Священного писания. Викарий был добрый человек, в цветное витражное окошко у него над головой лился свет.

В церковных брошюрках были картинки и песни об Иисусе смиренном и кротком[5]. На одной из них богочеловек проповедовал милым

---

[5] Примечания: 5
Отсылка к Евангелию от Матфея (11:29).

и прилежным малышам: кроликам, олененку, белке, сороке, и его лесная паства казалась более настоящей, чем он сам. Девочка смотрела, пыталась найти в себе что-то в ответ — и не могла.

Их учили молитвам. Девочка чувствовала, как слова ватными облаками уплывают в пустоту, и казалась себе испорченной.

Для ребенка она мыслила весьма логично и потому не понимала, как Бог, которому они молятся, такой добрый и милосердный, мог рассердившись затопить целый мир или обречь единственного Сына на отвратительную смерть ради людей, которым она, похоже, не принесла ничего хорошего. Вот и сейчас шла война, и девочка боялась, что она никогда не кончится. Вражеские солдаты были злодеи, лишенные спасения. Или просто люди, которым тоже больно.

Девочка думала, что Бог — то ватно-благостный, то кровожадный по-язычески — такая же выдумка, как живые камни в Исполиновых горах. Ни та, ни другая ипостась его не сподвигала ее сочинять истории, не питала воображение. Наоборот, все в ней как-то глохло и притуплялось. Девочка укоряла себя: мол, такие мысли бывают только у испорченных детей. Она — как Невежество у Беньяна, веселый юноша, провалившийся в яму

у самых Врат небесных. Девочка очень старалась думать как положено, но воображение ее стремилось прочь, туда, где все было — жизнь.

Иггдрасиль[6]: Мировой Ясень

Я знаю древо, имя ему Иггдрасиль — Власатое древо, орошаемое переливчатым облаком[7].

В начале было Древо.

Шар каменный мчал сквозь пустоту. Под его корой пылал огонь. Скалы плавились, клокотали

---

[6] Примечания: 6

Иггдрасиль значит «Скакун Одина», это один из многочис– ленных кеннингов — поэтических обозначений самых разных вещей, встречающихся в скандинавском фольклоре. Игг — одно из имен Одина.

[7] Примечания: 7

Перевод наш.

газы, лопались пузыри. Вода, густая, насыщенная солью, льнула к шару, и слизь перетекала по нему, и в ней шевелились уже существа. У шара любая точка центр, и в центре всего было Древо. Оно скрепляло мир: воздух и землю, свет, мрак и разум.

Древо было создание непомерное. Оно запускало в толстый дерн слепые корешки-иголки, а следом тянулись нити, веревки, канаты: щупали, цапали, шарили под землей. И еще три особенных корня мощно простирало Древо. Один — под долы и горы Мидгарда, Срединной земли. Второй — в Ётунхейм, обиталище ледяных великанов. Третий — в самый низ, во мрак, в сырые туманы Хель.

Высокий ствол ширился: кольца распирали его, разрастаясь изнутри. Близко под кожей его теснились канальцы, тянули наверх воду, и она прозрачными столбиками подымалась к кроне. Древо гнало воду в листья, а те, развернувшись встречь солнцу, из света, воды, воздуха и земли творили новую зелень. Зелень шевелилась на ветру, впивала дождь, кормилась светом. К ночи свет тускнел, и тогда Древо отдавало его обратно, недолго лучась в сумерках, как бледная лампада.

Древо ело и было поедаемо, питалось и само

служило пищей несчетным существам. Великанская сеть его корней была изнизана и спелената тонкими нитками грибниц. Они разъедали корни, забирались в ячейки древесины и сосали из них жизнь. Только изредка эти сытые существа пробивались наверх сквозь лесной войлок и кору и тогда взбухали грибами полезными и ядовитыми: мухоморами с алой кожистой шляпкой в белых бородавках, или бледными хрупкими зонтиками, или просто слоистыми наростами на коре. А то надувался на толстой ножке гриб, называемый «дедушкин табак», чтобы лопнуть потом и рассеять дымком споры-семена. Грибы кормились корой и корнями, но зато питали Древо собой: крошечные частички их возносились вместе с водой по канальцам.

И было великое множество червей: толстых, с палец, и тонких, тоньше волоска. Тупыми головками они зарывались в лесной войлок, ели корни и, переварив, выделяли пищу для корней. В чешуйках коры деловито сновали жуки: точили и грызли, кормились и плодились — жуки, сияющие, как золото и медь, бурые, как мертвая древесина. Толстые личинки их лакомились корой, а дятлы долбили кору и лакомились личинками, вспыхивая меж ветвей зеленым,

пунцовым, черным, белым, алым… Висели на шелковинках пауки, тонкой работы сети раскидывали на жучков и бабочек, мягкокрылых мотыльков и гарцующих кузнечиков. Муравьи то обезумевшими армиями устремлялись вверх по стволу, то мирно пасли, поглаживая щупиками, стада тли, от которой они умеют получать сладкий сок. Там, где ветви отходили от ствола, в ложбинках собиралась вода и получались озерца, по краю опушенные мхом. В озерцах плавали пестрые древесные лягушки, метали нежную пузырчатую икру, заглатывали молодых червячков, а те дергались и закручивались винтом. Среди ветвей пели птицы и в укромных местечках строили себе жилища. Каких тут только не было гнезд: и глиняные шарики, и волосатые мешочки, и корзинки, мягко выстланные сухой травой. И не было места на Древе, где никто бы не скоблил его челюстями, не долбил, не бурил, не жевал, не урывал бы себе кусочек…

Ходили рассказы о созданиях, обитавших в могучих ветвях. На самой верхушке сидел великанский орел, равнодушно выпевая песни о былом, настоящем и грядущем. Звали его Хрёсвельг — Пожиратель плоти. Когда орел взмахивал крыльями, дули ветры и выли ураганы. Между глаз его сидел дивный сокол Ведрфёльнир. Огромные ветви Иггдрасиля служили пастбищем четырем оленям: Даину, Двалину, Дунейру и Дуратрору. С ними паслась коза Хейдрун, чье вымя было полно хмельным медом. Белка-гонец, Рататоск-Грызозуб, деловито сновал по стволу, перенося вести и брань между орлом на вершине и недреманным Нидхёггом, черным драконом, обвившим подножье Древа[8]. Целый выводок червей оплетал дракона. Дракон грыз корни, а они отрастали вновь.

Древо было непомерно. На нем высились, полускрытые листвой, великолепные чертоги. Оно было целый мир.

У подножья его чернел источник, чья темная вода даровала испившему ее мудрость или, на худой конец, ответ на вопрос. У источника сидели норны — три сестры, знающие судьбу. Откуда

---

[8] Примечания: 8

Вместе служа миру Эдды, Хрёсвельг и Ниддхёгг пребывают в постоянной ссоре.

пришли они? Говорят, что из Ётунхейма. Урд видела прошлое, Верданди настоящее, а Скульд вперяла взор в будущее. Источник тоже назывался Урд, что значит «прошлое». Сестры были пряхами: они пряли нити судьбы. А еще садовницами и хранительницами Древа — поили Ясень темной водой источника и питали его чистой белой глиной, называемой «аур». Так дерево гнило и распадалось с каждым мгновеньем. Так оно всякий раз обновлялось.

Рандрасиль[9]

В подводных лесах рос бурый Рандрасиль — исполинская водоросль, Морское древо. Он крепко цеплялся за подводную гору толстой развилкой на конце таллома-ствола, а сам таллом, прямей мачт и выше божьих чертогов, тянулся с глубины на поверхность, то стеклянисто-недвижную, то взбитую ветрами, то плещущую ленивой волной. Там, где вода сходилась с воздухом, таллом раски-

---

[9] Примечания: 9

Рандрасиль — кеннинг, означающий «Скакун Ран». Ран — норвежская богиня бурного моря.

дывал пышные ленты, каждую из которых снизу поддерживал пузырек с газом. Как листья у Игдрасиля, эти ленты были испещрены зелеными клетками, которые впивали свет. Невидимо для нас свет содержит в себе все цвета. Морская вода поглощает красный свет. Пылинки и разный плавучий сор — синий. На большой, тусклой глубине водоросли по преимуществу красные, а там, где их полощет прибой, где они лепятся к омытым морем выступам скал, — там увидишь и ярко-зеленые, и переливчато-желтые. Морское древо непрестанно росло: не успевала оторваться одна лента, как на смену ей вытягивалась другая, и вот уже от нее млечными и зелеными облаками растекались споры-детеныши, крохотные существа, что плывут себе, пока не найдут камень, чтоб за него уцепиться. Как и в ветвях земного Древа, здесь, в подводных зарослях, бесчисленные обитатели поедали других и сами были поедаемы.

По Древу морскому ползали улитки и водяные слизни, скребли его игольчатыми язычками-радулами, соскребали крупицы жизни. Там, где наверху густо ветвился таллом, приросли к нему губки. Они всасывали воду вместе со всякой мелочью и гнали через себя: съедобное в пищу, остальное — вон. Актинии, прилепясь

к водорослям, открывали и закрывали мясистые, бахромчатые рты. Тут же обедали создания панцирные и клешнястые: креветки, омары с шипами на броне, звездчатые змеехвостки, перистые морские лилии. Перекатывались шариками, жуя на ходу, морские ежи. А сколько было разных крабов! Фарфоровый и каменный, песчаный и сухопутный, стригун и плавунец, волосатый, лягушачий, длинноглазый. И у каждого были свои владения.

В изобилии водились тут морские огурцы, бокоплавы, мидии, морские желуди, бочоночники и верткие щетинистые черви. Все они поедали Древо, все кормили его своими выделениями, а со временем и останками.

В подводных чащобах бессчетные существа качались в воде, скользили и реяли, охотились и от охотников прятались. Тут рыбья плоть подделывалась под водоросль: рыба-черт, укутанная плавучими зелеными вуалями, становилась похожа на саргасс. Другая рыба, голомянка-лира, за страхолюдие прозванная драконом, висела в воде среди шалей и знамен — ни дать, ни взять безвредный карраген, потрепанный морем. А еще были рыбы великанские, с плоскими телами-лезвиями: у них чешуя на гибких боках преломляла

свет, прошедший сквозь воду, и они меняли цвета, оставаясь тенями, таящимися в тени.

Морское Древо стояло среди подводных кущ. Пузырчатые водоросли разворачивали свои непомерные полотнища рядом с морским виноградом, морским салатом и морским мхом. Тут же рос чертов фартук и зеленые плошки на тонких ножках, которые называют еще «русалкин кубок». Мимо плыли стаи больших и малых рыб. Тугими кольцами кружили полчища сельдей, серебряными табунами проносился тунец. Свершал свое долгое странствие лосось всех мастей: чавыча, кижуч, нерка, горбуша, кета и сима. Среди водорослей паслись зеленые черепахи. Рыскали обтекаемые, гладкие акулы, и было их множество: акула-лисица и акула-собака, ночная акула, леопардовая, песчаная, а еще ламна, мако и галеус. Акулы — хищницы из хищниц, охотницы на охотников.

Кашалоты выдирали из темных глубин гигантских кальмаров, голубые киты пластинами в непомерном рту отцеживали планктон. Как и у Ясеня земного, у морского Древа в кроне селились всевозможные создания. Морские выдры устраивали в ветвях колыбельки и качались в них, деловито вертя в хищных лапках морских ежей и

разную панцирную мелюзгу. Дельфины плясали и пели, щелкали и свистали. Морские птицы, ныряя, стрелами пробивали морскую гладь. Солнце и луна то тянули воду к себе, то отпускали. Волны всползали на гладкий песок, устремлялись в узкие фьорды, разлетались о скалы бело-кружевной пеной, бежали гладкими высокими валами, блуждали в рукавах речных дельт.

Морское Древо крепко цеплялось за склон подводной горы на самой глубине, куда едва достигает слабый свет солнца и луны. Но были те, кто таился еще глубже: порождения мрака, чьи плоские тела, чьи головы, шиповатые или мясистые, освещались словно бы фонарями. Те, кто ловил добычу на леску из собственной плоти, чьи глаза в густой черноте горели огнем.

У подножья Мирового ясеня есть источник Урд с недвижной, холодной, черной водой. У подножья Морского древа темнеют каменные жерла, свистящие паром и плюющие лавой, уходящие к раскаленному сердцу земли. Тут тоже ползают в темноте черви и бледные креветки поблескивают стеклянистыми щупиками. И как норны сидят у источника и питают Древо, так Эгир и Ран сидят среди потоков, вихрящихся у подножья Рандрасиля. У Эгира — многострунная арфа и

переливчатая раковина. Эгир играет песни, от которых киты и дельфины замирают, прислушиваясь к эху в гулких камерах своих черепов. Эти звуки, как масло, разлитое по воде, облекают ее покоем тусклым или блёстким: сверху глянешь — искрится, а с глубины — словно зеленое стекло над головой. Знает Эгир и другие песни. От них вскипают течения и волны встают языками высотой с сам Рандрасиль: стеклянисто-зеленая, базальтово-черная водяная громада замирает на бесконечный миг, а потом рушится, взбрасывая клочья пены и мириады пузырьков.

Ран, жена Эгира, играет огромной сетью, ловит в нее мертвых и умирающих созданий, что падают в густые придонные глубины. А иные говорят: не мертвых — а завороженных звуками, взмывающими со дна. Что делает она с костями, кожей и плотью, никто не знает. Ходит слух, что зарывает в песок, подкармливает тех, кто копошится еще ниже дна. И другой ходит слух: самых красивых — мерцающего кальмара, заплутавшую морскую змею, синеглазого морехода с ясным золотом волос и бирюзовой серьгой — оставляет Ран в садике своем среди водорослей для услады взора. А сама она такая, что стоит кому взглянуть, — ничего уж, кроме нее, не видит и никогда не

вернется рассказать о ней.

Homo homini deus est[10]

для тоненькой девочки все так же тянулось военное время, и она размышляла: как что-то могло появиться из ничего? В истории, что рассказывали в каменной церкви, верховный дед, не терпевший маленьких выскочек, шесть упоительных дней провел, сотворяя все на свете: небо и море, солнце и луну, деревья и водоросли, а еще верблюда, коня, павлина, собаку, кошку, червяка… И всякая тварь радостно пела ему хвалу.

---

[10] Примечания: 10
Человек человеку бог *(лат.)*

Ангелы день-деньской только его и славили. Но потом дед сотворил себе новых любимцев -

людей, повелел им знать свое место и ни в коем случае не есть плод познания добра и зла. А они все-таки съели. Девочка прочла достаточно сказок и потому не сомневалась: в любой истории запрет на то и нужен, чтобы кто-то его нарушил. Адам и Ева обречены были съесть яблоко. Верховный дед вел нечестную игру и был весьма доволен собой. А девочке никто тут не был близок. Разве что змей. Он не просил о роли соблазнителя. Он просто хотел скользить и виться среди ветвей.

А что было в начале историй «Асгарда»?

В начале времен
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла[11].

[11] Примечания: 11

Цитаты из Старшей Эдды здесь и далее приведены в переводе А.И. Корсуна, за исключением отдельно указанных случаев, когда текст в оригинале разнится с каноническими переводами Старшей и Младшей Эдды на английский и русский язык.

У бездны было имя, и девочка все повторяла его: Гиннунгагап. Это было чудесное, упоительное слово.

Бездна была не вовсе бескрайней, ей положен был предел на севере и на юге. Холодный и сырой Нифльхейм лежал в ее северной оконечности — чертог туманов, откуда с ревом стремили двенадцать ледяных рек. К югу был Муспельхейм, где лютовал огонь и клубился дым. Вода несла туда айсберги из Нифльхейма, встречь им пыхал неистовый жар, и они таяли, исходя паром. И вот однажды в смятении паров и обжигающих брызг проступил человеческий облик. То был великан Имир, а иначе: Аургельмир, что значит «кипящая глина» или «каменный ревун». Говорили, что слеплен он из чистой белой глины — той самой, которой норны питали Иггдрасиль. Имир был огромен, он был всё или почти всё. Девочка представляла: вот он стоит, широко раскинув руки, расставив ноги. Все тело его лоснится, и почему-то нет лица на шишковатой голове…

В бездне Гиннунгагап жила еще великанская корова Аудумла. Она лизала промерзшие соляные глыбы, и ее вымя наполнялось молоком. Этим молоком питался Имир. Девочка никак не могла это вообразить: слишком уж Имир был непомерен.

На его теле почками набухала новая жизнь. Там, где левая рука примыкала к тулову, в ложбине подмышки родились у него инеем покрытые великаны-хримтурсы, мальчик и девочка. Потом ноги его перевились вместе, и явился в мир еще один мальчик. А корова все лизала горячим языком соль, и вот показались из-под соли сперва кудри, а потом и все тело спящего великана, покрытого инеем. То был Бури, и Бури в свой срок родил Бора, а тот нашел себе великаншу Бестлу (где? — дивилась девочка, у которой в голове было тесно от всех этих великанов). Бор и Бестла родили трех сыновей: Одина, Вили и Ве. Это были первые боги.

Три бога-брата убили Имира и разрубили его на части.

Тоненькая девочка пыталась представить себе его смерть. Чтобы все эти громады поместились в воображении, нужно было их уменьшить. И вот Гиннунгагап превратилась в подобие стеклянного шара с толстыми стенками. Внутри вились волокна тумана, и глиняный человек стоял, раскинув руки и ноги, поблескивал покрытой инеем кожей. Они подкрались к нему, первые боги, и растерзали ногтями, зубами, серпами, крюками…

или еще чем-то? Растерзали в клочья — эту фразу девочка знала хорошо. У них не было лиц. У трех богов не было лиц, не было ничего внутри, они перебегали, как черные тени, как исполинские крысы, кромсали, грызли, вертели по сторонам хищными мордами. Убийство было первое, что свершили они на земле, и у него было три цвета: черный, белый и красный — первые цвета, что осознает и называет человек. Бездна была черная со множеством оттенков и переходов, переливов и пятен. Великан был бел как иней, и только кое-где залегали у него лиловые тени: под мышками, под коленями, в пещерах ноздрей. Новые боги кромсали его и хохотали. Кровь брызгала из ран, струилась по шее к плечам, жаркой и гладкой тканью одевала ему грудь и бока. Текла, текла кровь, переполнила шар багрецом и затопила мир. И не было ей конца — жизни, что раньше подо льдом и глиной бежала по Имировым жилам, а теперь утекала в смерть. В книге про Асгард был миф, где говорилось, что великан Бергельмир построил ладью и в ней пережил потоп, а потом дал начало новому великанскому роду. Миф девочке не нравился: немецкий писатель считал, что, возможно, в нем отозвалось сказание о Ное и его ковчеге. Девочка не хотела ту историю

смешивать с этой.

Из мертвого великана боги сотворили мир. Девочка чувствовала, что и это нужно вообразить, но ей было не по себе: по какой шкале мерить такое? Впрочем, она видела туманное сходство между частями растерзанного Человека и тем, что из них произошло.

Имира плоть
стала землей,
стали кости горами,
небом стал череп
холодного турса,
а кровь его морем.

По́том великана боги наполнили озера, из кудрей его сотворили густые леса. Под высоким сводом черепа Имировы мысли превратились в стаи летучих облаков. По ночам загорались наверху звезды: может, залетели сюда ненароком искры из Муспельхейма, а боги поймали их да приделали к небосводу? А может, это снаружи заглядывал свет в пробоины черепа?

В гниющем теле завелись черви и безногие личинки. Боги сотворили из них карликов, темных альвов, что в родстве с английскими эльфами, и

могучих троллей-тугодумов. Так зародились народы пещерные. Из кустистых бровей великана боги смастерили частую изгородь для Мидгарда — Сада Срединной земли. Посреди Мидгарда возвели они себе чертог и назвали Асгард, обитель богов. Самих себя назвали они асами, что означает «столп» или «устой». Асгард был окружен Мидгардом, а Мидгард со всех сторон омывало море крови. За морем лежал Утгард — Кромешная земля, где рыскали немыслимые твари.

Еще боги сотворили солнце и месяц, а с ними — время. Земля была труп, прорастающий жизнью, а чаша неба была чашей черепа. Светила тоже имели человеческий облик. Сияя мчалась Соль в солнечной колеснице, запряженной конем Арвакром, что значит «Пробуждающийся рано». У месяца Мани, мальчика ясного, вез колесницу Альсвидер — Быстрейший. Матерь Ночь летела верхом на темном Хримфакси с гривой, покрытой инеем, а за ней поспешал ее сын День на Скинфакси с гривой сияющей. Свет и мрак сменяли друг друга, четверо бесконечной чередой проносились под сводом черепа.

За солнцем и месяцем по пятам гнались волки: щелкали клыками, норовя ухватить край одежды, огромными прыжками неслись сквозь

пустоту. Это было странно, ведь о сотворении волков в книге ничего не говорилось. Они явились сами собой, темные и свирепые. Они были частью великого мирового порядка. Они никогда не уставали и никогда не останавливались. Мир сотворенный помещался в черепе, и волки искони населяли разум.

Боги построили Асгард, и он был прекрасен. Они смастерили себе орудия и оружие, чаши и кубки, диски для метания и резные фигурки для хитрой игры в тавлеи. И все это было золотое, потому что золото у них не переводилось. Боги явили в мир карликов, троллей, альвов темных и светлых. А потом для забавы, почти ненароком, сотворили людей.

Как это было? Вот как: однажды три бога вышли из Асгарда погулять в зеленых мидгардских полях. Земля убралась яркой травой вперемежку с сочным диким лучком. А боги те были Один, Хёнир и Лодур, который, как говорилось в книге, мог быть лукавцем Локи в другом обличье. Вышли они к морю и увидели: лежат на песке два ствола-обрубка, Аск-ясень и Эмбла-ольха (или вяз, говорилось в книге, или обрезанная лоза). У Аска и Эмблы ничего не было:

Не было в них
Ни ума, ни чувства,
Ни крови, ни голоса,
Ни живого румянца[12].

Этих двоих боги вызвали к жизни. Один вдохнул в них разум, Хёнир чувства, а Локи огненный погнал по жилам кровь и согрел щеки румянцем. Так три бога-убийцы превратились в подателей жизни — конечно, если считать, что Вили и Ве, бесследно пропавшие из этой истории, превратились в Хёнира и Локи. Так думала девочка, давно подметившая, что в сказках и мифах действует Закон трех. У христиан был сердитый дед, хороший человек, которого убили, и белый голубь. Здесь — Один-творец и двое других тоже творцы, чтобы получилось три.

Девочка любила воображать этих новых людей: кожа у них была гладкая, как молоденькая кора, глаза яркие, как сторожкие птицы. Они медленно и удивленно двигали пальцами, расправляли мышцы, словно цыплята или змейки, только пробившие скорлупу. Они, спотыкаясь, учились ходить. Вот впервые разомкнули губы

---

[12] Примечания: 12
Перевод наш.

и улыбнулись друг другу. Они ничего еще не ели, эти двое, они совсем недавно были мертвой древесной плотью, но во рту у них полно было крепких, белых зубов, и с каждой стороны выдавались хищные клыки мясоедов. Так сказывается в человеке волк.

Что было дальше с Аском и Эмблой, какие ждали их беды и радости, неизвестно. Как многое в моем рассказе, они возникают на краткое время, а потом истаивают, растворяются снова в бездонной темноте. Один — другое дело, Один бог, творец людей и двигатель повествования. И Локи тоже, если это Локи был в тот день третьим. Девочке хотелось, чтобы это был он: так крепче сцеплялись звенья истории.

Тоненькая девочка в любую погоду шагала через свой луг, и ранец с книгами, перьями и привешенным сбоку противогазом был словно ноша Пилигрима — тот так же шел лугами, сверяясь со своей Книгой. Всю дорогу она крепко думала о том, что значит верить. Она не верила в истории из «Асгарда и богов», но они дымом вились в ее голове, тёмно гудели, как пчелы в улье. В школе, читая греческие мифы, она говорила себе: вот, были люди, которые *верили* в этих капризных и вздорных богов. Но для нее самой эти мифы

равнялись обычным сказкам. Кот в сапогах, Баба Яга, брауни[13], опасные и глупые лепреконы и фэйри, нимфы, дриады, гидры, крылатый белый конь Пегас — все они таили для ума то особое удовольствие, что возникает, когда небыль на краткое время становится правдивей были. Но не эти истории жили у девочки внутри, и сама она жила не ими.

У церкви была ограда с деревянной калиткой, почти такой же, как в книге у Беньяна, только без каменной арки наверху с надписью: «Стучите, и отворят вам»[14]. Мелкими шажками девочка проходила в нее и спешила через внутренний дворик. В церкви снимала ранец с противогазом и взваливала на плечи иное бремя: требовалось поверить в то, во что она не могла и не хотела верить. Настолько не хотела, что чувствовала это в каждой полости своего тела: в непросто дышащих легких[15], в костяной камере позади глаз. Беньян приискал бы ей за это какое-нибудь

---

[13] Примечания: 13

Английские фольклорные герои, получившие новую жизнь в книгах американского писателя Палмера Кокса (1840–1924).

[14] Примечания: 14

Евангелие от Матфея, 7:7.

[15] Примечания: 15

В детстве А.С. Байетт болела астмой.

жуткое наказание, какой-нибудь котел с кипящим жиром или когтистого демона, что унес бы ее невесть куда.

Викарий кротко и ласково говорил о кротком и ласковом Иисусе. Девочке казалось, что невежливо с ее стороны не верить викарию.

В каменной церкви было очень чисто, пахло полиролью для дерева и латуни. Там жил английский язык. «Отец всемогущий и всемилостивый, мы отошли от путей твоих, как заблудшие овцы. Мы предались без меры вымыслам и желаниям сердец наших. Мы преступили святые законы твои. Мы не совершили должного и недолжное совершали. Мы больны. Господи, смилуйся над нами, жалкими грешниками. Пощади тех, кто кается в грехах своих»[16]. Эту молитву девочка знала наизусть и даже иногда декламировала ее, идя через луг. Она нажимала на отдельные слова, чтобы слышней был ритм, и воображала, как заблудшие овцы озираясь бродят по серому полю. Но символ веры она произнести не могла. Девочка не верила ни в Отца, ни в Сына, ни в Святого духа. Стоило начать говорить, и ей казалось, что она — злая сестра из сказки, у которой во рту

[16] Примечания: 16

Цитата из англиканского свода обиходных молитв 1662 г. (The Book of Common Prayer).

и в горле елозят мерзкие жабы.

Девочка торопилась в школу, а потом неспешно брела обратно, растягивая послеполуденную пору. В церкви и в школе они пели:

Лютики нам золото, дягиль серебро.
И в лесу, и в поле не сочтешь даров.
Веселей алмазов искрится роса,
Бирюзы захочешь – глянь на небеса[17].

Ей нравилось подмечать, узнавать, давать имена. «Наперстянка» — потому что цветы похожи на наперстки, открыла она, и приятная щекотка пробежала по позвонкам. А вот лютик неясен: что же лютого в этой маслянистой золотой чашечке? И вездесущие одуванчики, сперва свирепо-желтые, с зубчатыми листьями, потом белые: дунешь, и полетят пушинки-шерстинки с черными семенами, похожими на головастиков, спящих до поры в полупрозрачных облачках икринок. Весной весь луг покрывался баранчиками. У живых изгородей, где под сенью ясеней спутаны были ветки боярышника, расцветали бледные первоцветы и фиалки разных цветов, от густо-пурпурного до белого с лиловатым оттенком. Мама сказала де-

[17] Примечания: 17
Автор гимна — английская писательница Джен Стратер (1901–1953).

вочке, что в английском языке слово «одуванчик» — «dandelion» — происходит от французского «dent-de-lion», «львиный зуб». Мама любила слова. Мир цвел ими: куколицей и мать-и-мачехой, мышиным горошком и гадючьим гиацинтом. Вот незабудка, а рядом — разбитое сердце. Вот заплелась в изгородь ядовитая красавка, иначе: бешеная вишня. Воловик и бутень, волдырник и чистотел, медвежьи ушки и кукушкины слезки. Сердечник — от нервных судорог, кровохлебку хорошо к ранкам прикладывать. А журавельник еще называют грабельки. Девочка следила, как они выходят из земли: куртинками проглядывают тут и там на лугу или поодиночке прячутся во рвах, льнут к камням.

У подножья изгороди в зеленой сутолоке кипела жизнь, в основном невидимая, но довольно звучная: она шуршала в старых листьях, она слышала, как прислушивается девочка. А девочка слышала, как чутко онемела птица и затаилась полевка. Следила, как пауки плетут безупречные многоугольные сети или поджидают добычу с узкого конца заманчиво пухлых шелковых воронок. Весной и летом появлялись вдруг целые облака бабочек: желтых, белых, голубых, апельсинных и черно-бархатных. В полях полно было

пчел, гудящих, сосущих сладкий нектар. Ветви и небо населены были птицами. Жаворонок, заливаясь песней, с плоской земли взлетал все вверх, вверх в синеву. Дрозды подхватывали улиток и разбивали о камни, оставляя за собой ковер из хрустких пустых домиков. Лоснисто-черные грачи расхаживали по траве, каркали, заводили на деревьях дебаты. Огромные стаи скворцов тучами проносились над головой: то, как единое черное крыло, рисовали на небе широкий взмах, то кружили и вились, подобно дыму. Протяжно и переливчато кричали ржанки.

Тоненькая девочка ловила в пруду головастиков и рыбешек-колюшек, которых было там несметное множество.

Собирала охапками луговые цветы: медовые баранчики, короставник в лиловых пуховочках, шиповник — собачью розу. Дома цветы долго не жили, но ее это не тревожило, потому что на месте сорванных всегда вырастали новые — пышно раскрывались, вяли и умирали, а с новой весной возвращались. Они всегда будут возвращаться, думала девочка. И потом тоже — когда меня уже не будет. Наверное, больше всего ей нравились дикие маки, от которых зеленая изгородь делалась алой, как кровь. Хорошо было найти

толстенький, готовый уже раскрыться бутон в мелких волосках, разжать ему зеленые губы, вытянуть наружу мятый, чуть влажный шелк и расправить под солнцем. Где-то на глубине она знала, что не нужно так делать: обрывать зеленую жизнь, нарушать мудрый обряд ради острого любопытства, ради краткого зрелища потаенной, алой, смято-оборчатой цветочной плоти, умиравшей меж пальцев почти мгновенно. Но ведь там оставалось еще так много, так много… И все было одно и едино: луг, изгородь, ясень, путаница трав, тропинка, бесчисленные жизни — и тоненькая девочка, скинувшая постылый ранец с привешенным сбоку противогазом.

Асгард

В Асгарде боги ели с золотых блюд и пили мед из золотых чаш. Они до страсти любили тонкую ковку, особенно золотую, и груды безделок и волшебных колец заказывали карликам в их темных кузнях. Играли друг над другом свирепые шутки, потом ссорились. Выходили к рубежу круглого Мидгарда, бились с великанами, а потом возвращались и сами себе пели хвалебные песни. И христианский рай, и северный казались девочке скучными. Может, потому, что не слишком-то были внятны простым смертным. В церкви дети

пели гимн о рае: там было море стеклянное, и святые полагали золотые венцы перед престолом Сидящего[18]. Слова были волшебные: золотой венец, море стеклянное. Но вечность угрожала девочке скукой.

Один, повелитель богов, жил в Вальгалле — так звалась обитель эйнхериев, иначе: павших в бою. Вальгалла крыта была золотыми щитами, и было у ее пятьсот дверей. Валькирии, щитоносные девы, носились над полем сражения, забирая героев в миг смерти. Эйнхерии жили ради битв, и после смерти уделом их была вечная битва. Каждый день они сражались друг с другом до смерти, и каждый вечер оживали и пировали в Вальгалле жареным мясом вепря Сехримнира. Когда же кости были обглоданы дочиста и последняя капля крови выпита, вепрь, всхрапнув, возрождался столь же бокастый, чтобы назавтра его опять закололи, зажарили, съели, и так без конца.

Девочку била дрожь от восторга и жути. Один был бог недобрый и опасный. Калеченый бог, одноокий, оком заплативший за мудрость, выпитую из источника Урд, у которого лежала отрубленная голова ётуна-великана Мимира,

[18] Примечания: 18

Гимн английского священника Джона Бахуса Дайкса (1823–1876) отсылает к 4 главе Откровения Иоанна Богослова.

много знавшая былей, и мудрых рун, и заклинаний, дающих власть. Один таился, принимал вид старика в сером плаще, шляпу пониже надвигал на пустую глазницу. Один испытывал людей загадками, и горе тем, кто не знал ответа! Его копье по имени Гунгнир на древке имело руны, открывавшие тайны людей, зверей и всей земли. Оно было вырезано из ветви самого Иггдрасиля и оставило по себе рану и рубец[19].

В книге была картинка: Один во дворце короля Гейррёда. Под видом простого путника Один явился к королю, а тот привязал гостя меж двух костров и стал поджаривать. Картинка была хорошая: темный, таинственный бог сидит на полу среди пылающих сучьев. Он не улыбается и не гневается, он печально задумчив. Восемь ночей провел Один без еды и питья. Наконец поднесли ему рог с пивом, и тогда он запел, все громче и громче, песнь об Асгарде, о воинах Вальгаллы и об Иггдрасиле, чьи корни сплелись с корнями мира. Потом Один назвал себя, и король бросился на собственный меч. Один был непредсказуем. Он принимал в жертву «кровавых орлов»: человека привязывали лицом к дереву, и отпилив от по-

[19] Примечания: 19

Эту часть мифа первым поведал автор «Асгарда и богов» Вильгельм Вегнер *(прим. авт.).*

звоночника ребра, выворачивали наружу легкие. Он и сам принимал муки, от которых становился еще сильнее, мудрее и опаснее.

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.
Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стеная их поднял —
и с древа рухнул.
Девять песен[20] *узнал я…*

Один был бог Дикой охоты. Или Свирепого воинства. Мчались по небу кони и гончие, охотники

---

[20] Примечания: 20
В другой версии — девять заклинаний.

и призраки с мечами и копьями. Они никогда не уставали и никогда не останавливались, рев рогов мешался с голосом ветра, копыта стучали, грозные всадники кружили среди туч, как стая чудовищных скворцов. Одинов конь Слейпнир имел восемь ног, и бег его отдавался громом. Ночью, в спальне с окнами, наглухо закрытыми светомаскировкой, тоненькая девочка прислушивалась к звукам в небе: к отдаленному подвыванью, ритмичному рокоту пропеллеров, грому, нависавшему над самой головой, а потом катившемуся дальше. Она слышала взрывы и видела огонь, когда бомбили аэродром рядом с домом ее бабушки и дедушки. Она тогда спряталась в чулане под лестницей — так некогда люди падали плашмя, заслышав приближение Охоты. Один был бог битвы и смерти. Через окраину, где жила девочка, не так-то много проезжало машин. В основном — «колонны», слово, означавшее вереницы тряских, хриплых грузовиков цвета хаки. В некоторых ехали молодые мужчины, дети махали им, и они улыбались, подскакивая на кочках. Это были «наши ребята». Куда они ехали, никто не говорил. Девочке представлялся отец, сгорающий в небе над Северной Африкой: вой пропеллеров, огненные волосы, черный, огнем

объятый самолет. Так вот она, Дикая охота — летчики в небе, хищное племя. Спешится охотник — рассыплется в пыль, так говорилось в книге. Это была хорошая история, со смыслом. В ней была опасность, ужас и многое такое, что человеку неподвластно.

Днем тихо светились ясные луга. Ночью в небе гудела смерть.

Homo homini lupus est[21]

еще был Локи. Локи — ни то, ни другое. Ни бог, ни великан, ни в Асгарде, ни в Ётунхейме осесть не пожелал. Асы были существа простые: боги бились и пировали, богини кичились красотой, ревновали, завидовали, звенели перстнями да запястьями. Прекрасная Идуна жила средь зеленых ветвей Иггдрасиля и растила для богов молодильные яблоки. Однажды злой великан украл ее вместе с плодами. Тогда Локи превратился в

---

[21] Примечания: 21
Человек человеку волк *(лат).*

сокола и вернул Идуну домой, принес в могучих когтях. Он один из всех богов умел менять облик. Как-то раз скакал Локи по мидгардским лугам в виде дивной кобылицы и приглянулся волшебному коню великана, клавшего стены Асгарда. Так крепко приглянулся, что в положенный срок разрешился Слейпниром, восьминогим конем, тем самым, который ходил потом под Одином. Это Локи, обернувшись назойливой мухой, украл Брисингамен, золотое ожерелье Фрейи. Это он, чтоб отвести кому надо глаза, доил коров в облике невинной девушки. Локи знал много тайных мест и местечек. Не только вид менял, но и естество с мужского на женское. Локи был верток, словно маслом намазан: с Хеймдаллем-глашатем боролся в виде тюленя. Лососем рвался к вершине водопада и неслышно скользил в толще воды.

Германцы считали, что его имя связано со словами Lohe, Loge и Logi, значившими «огонь» и «пламя». Знали его и под именем Лофт, бог воздуха. Позже христианские богословы соединили Локи с Люцифером, Светоносным, падшим сыном зари[22], врагом человеческим. Он был красив, это все говорили, но красоту его трудно было описать

---

[22] Примечания: 22
Отсылка к Книге пророка Исайи, 14:12.

или даже ухватить взглядом, ведь он все время мерцал и мреял, преображался и перетекал из лика в лик. Локи имел образ пляшущего огня и стремящего водопада. Он был незримый ветер, что торопит облака, то вздувает их парусами, то разворачивает лентами. Порой голое дерево на краю окоема, сгибаемое ветром, вздымающее кривые ветви, оказывалось лукавцем Локи.

Локи не был ни добр, ни зол, просто жаден умом и потому опасен. Тор был школьный хулиган, возведенный до уровня громов и молний. Один имел власть и сам был властью. Локи был — затейник.

Боги ценили его за то, что он был умен и мог помочь в головоломном деле. Когда требовалось вывернуться из опрометчиво заключенного договора с великанами, Локи подсказывал ход. Он был богом разрешенных уз, он — коли хотел — мог дать истории долгожданный конец. Впрочем, часто его концовка сулила богам лишь новые беды.

У Локи не было ни алтарей, ни менгиров. У него не было культа. В мифах он всегда последний в троице: «Один, Хёнир и Локи», а по законам мифа первый — главный. Но есть еще закон народной сказки, где действуют те же боги. В сказке важней последний из трех: Локи, *младший* сын.

В Асгарде у Локи была жена Сигюн, любившая

его, и двое сыновей: Вали и Нарви. Но сам он был там чужаком и желал вещей необыденных и чрезмерных.

Читая и перечитывая эти истории, девочка не ощущала к их действующим лицам ни любви, ни ненависти. Их нельзя было приблизить и оживить воображением. Она могла лишь наблюдать за их перипетиями пристально и серьезно, изредка тревожась или ликуя. Но для Локи она почти что сделала исключение. Он один из всех имел чувство юмора и острый ум. Он был красив в своем вероломном обличье и обаятелен в хитрых каверзах. Иногда ей делалось не по себе от его затей, но к Локи она могла что-то почувствовать. Остальные — Один, Тор, Бальдр Прекрасный — были просто застывшие фигуры, рядовые воплощения мудрости, силы, красоты.

Сидела старуха
в Железном Лесу
и породила там
Фенрира род;
из этого рода
станет один
мерзостный тролль

похитителем солнца.

Железный лес лежал далеко за стенами Асгарда, далеко за лугами Мидгарда. Был он темный и кромешный, и населяли его существа, у которых людская кровь была смешана со звериной, а то и с божьей, а то и с демонской. Старуха из Эдды — это Ангрбода, Приносящая горе, великанша со свирепым лицом, когтистая, клыкастая, вся покрытая волчьей шерстью. Локи, настойчивый и неуловимый, играл с ней, цапал и когтил, услаждал против ее же воли, льнул и ласкался, как лукавый огонек, разрастался внутри пожаром. Они объяснялись рыком и шипом. Сигюн никогда не видела таким своего Локи. Она не узнала бы победного вопля, с которым он изверг семя в лоно великанши. Провидел ли Локи облик своего потомства? Первый был волчонок с черным нёбом, от рождения вооруженный острыми клыками. Вторая — гибкая змея в короне из мясистых щупов. Зубы у нее были столь же острые, как у брата, но тонкие, словно иглы. Она была тускло-золотая, а когда свивала и развивала кольца, по чешуе пробегал алый огонек.

Третья была девочка — или великанша — или богиня. Кожа была у нее такого цвета, какого до той поры не видали. Прямая спина, длинные

ноги, сильные, умные руки, твердо шагающие ступни. Лицо — иначе не скажешь — суровое, с резкими скулами и широким неулыбающимся ртом, полным острых, волчьих зубов. Известно, для чего такие зубы нужны. Тонкий нос, брови как дым, как кеннинг леса, принятый в нижнем мире: «водоросли холмов». Глазницы — провалы, и в них глубоко — глаза немигающие, темные, как ямы с дегтем или колодцы, в которых не отражается свет. Но кожа… Одна половина была у Хель черная, а вторая синяя. И те, кто видел ее, рассказывали, что одна половина живая у нее, а вторая мертвая. Бывало, цвета соседствовали, и граница шла ровно от макушки со смоляными волосами вниз по долгому носу, подбородку, груди и дальше от развилки бедер к самым ступням. Бывало — наплывали друг на друга. Это было красиво, как последняя синева дня, переходящая в черноту ночи. И страшно, как синяки, проступившие под мертвой кожей. Хель спала голая, сплетясь с чудовищными братом и сестрой: вплотную чешуя и шерсть, волчий нос, клыки, веки, скрывшие до поры огненные глаза. Кто шипит, кто урчит во сне… Локи не мог нарадоваться на своих отпрысков. Кормил их и смотрел, как они растут. Кто знает, что затеют они потом, что

сотворят? Трое росли.

Один с копьем в руке сидел на престоле своем, звавшемся Хлидскьяльв. Копью имя было Гунгнир. Один озирал Асгард, Мидгард, Ётунхейм и Железный лес. Два ворона, Хугин (мысль) и Мунин (память), облетали мир и рассказывали ему о том, что видели. Вот каркнули что-то, и Один гневное лицо оборотил к Железному лесу.

В самом начале, в дни, когда бездну заливала кровь Имира, Локи был Одину сводным братом. На крови побратались они и в одной лодке плыли по кровавым волнам. Теперь Один устанавливал вселенский порядок, а Локи нарушал его. Боги знали, что три чудища опасны, а будут еще опаснее. Один послал за ними Хермода ясного и Тюра, бога охоты. Двое перешли радужный мост Биврёст, соединяющий Асгард с другими мирами, пересекли реку Ивинг и в темном краю хримтурсов разыскали обиталище Локи. Схватили трех детенышей-чудищ, принесли и бросили к подножию Одинова престола. Волчонок разевал пасть. Змея свернулась в кольцо. Хель сине-черная стояла недвижно, вперяясь в повелителя богов.

Один приступил к делу. Двоих вышвырнул вон из Мидгарда. Змея — тогда еще змейка, — тускло блестя, падала, падала и упала наконец там, где

чёрно светился океан, окружавший Срединные земли. Вытянулась и поплыла, качаясь на волнах. А потом не то канула, не то нырнула и пропала с глаз. Боги радовались и хлопали в ладоши.

Хель метнул Один могучей рукой в темную землю холодных туманов. Она летела прямая, как копье, как остроносая стрела, сорвавшаяся с тетивы: вниз и вниз, девять дней падала в свете солнечном, лунном, звездном мимо спешащих колесниц Солнца и Луны, мимо еловых верхушек, а потом и корней, сквозь бессветные мари и топи Нифльхейма, поверх холодного тока реки Гьёль — в Хельхейм. Там суждено ей было править мертвецами, которым не посчастливилось пасть в битве. То был край теней. Мост через Гьёль был золотой, а ограда ее новых владений — железная. В темном зале высокий престол ждал черное, синими подтеками покрытое существо, ждал богиню, чудовищное дитя, и на черной подушке ждала корона из белого золота. Жемчуга и лунные камни были в ней как застывшие слезы, а горный хрусталь — как иней. Хель надела корону, взяла рядом лежавший скипетр, и мертвые наполнили зал, словно нетопыри на шепчущих крыльях, бесплотные, бесчисленные. Неулыбчивая, Хель приветствовала их. Они принялись

кружить вокруг нее с тихим свистом. По ее слову внесены были блюда с призраками мяса и плодов, кувшины, где призрачный мед и вино шли по краю призрачной пеной.

А что же волчонок? Волки рыщут в чащобах разума. Люди слышат в темноте вой, яростную музыку, торжествующую перекличку многих голосов. Невидимые, на быстрых и тихих лапах волки мчат сквозь лес под черепом Имира, под каждым черепом. Там, в мозгу, тоже щетинится шерсть и жадно тычется клыкастая морда, почуяв кровь. Свет костра или полной луны отражается в глазах, ярко горящих из темноты. Люди уважают волков, уважают близость и тепло стаи, хитрое искусство погони, мудрую глотку, воем и рыком доносящую весть. У Одина в Асгарде было двое ручных волчат: сидели у ног, а он бросал им мясные объедки. Волки — свободные чудища, но волки же — прародители собак, служащих охотнику и дому, человека избравших вожаком. Люди и боги сходились в стаи, загоняли и истребляли стаи волчьи. Может, однажды охотники взяли волчат из логова, убив их отца и мать. Кормили мясом, поили молоком, отучали от воли. А может, сидел волчонок на краю лесной прогалины и выл, а какая-то женщина подобрала его, на-

кормила и приручила. Но и сейчас собаки воют, глядя на луну.

Бог Тюр был воин и охотник. Вместо плаща на голове и плечах носил волчью шкуру, и над бородатым его лицом слепо глядела мохнатая оскаленная волчья морда. Один не мог сразу решить, как избавиться от волчонка Фенрира, и Тюр сказал, что возьмет его к себе, будет кормить, а может, и приручит, чтобы с ним охотиться. Фенрир заворчал из глубины глотки и прижал уши. Тоненькая девочка, рано узнавшая войну, не могла понять, почему всеведущий Один попросту не уничтожил волчонка со змеей, раз они были так злы, и мерзки, и враждебны асам. Но Один, конечно, уничтожить их не мог. Была и над ним сила — та самая, что правит этим причудливым сказом. Сила решила пока сохранить жизнь детям Локи, поэтому боги могли лишь пытаться обезвредить их. Тюр знал все о диких тварях и думал, что понимает волчонка. Взял его с собой в Мидгард, кормил, бегал с ним по лесам. Вместе они играли, и Тюр думал, что со временем вместе будут и охотиться.

Волчонок рос. Он уродился в отца — не был

похож ни на кого. Его голос сделался глубже и развернулся вширь от рыков и воя до хохочущего лая. Все громче и громче слышался этот голос в далеком Асгарде. Для Тюра в нем звучала музыка дикого мира, но иначе думали другие боги. Игривый волчонок вырос с вепря и продолжал расти. Он шастал по лесу и убивал ради забавы, а Тюр думал, что это он шалит по малолетству. Фенрир оставлял на снегу зайцев истекать кровью, в лесу вспарывал животы оленятам. Он вырос с жеребенка, с лосенка и, наконец, с молодого бычка. Когда он забавлялся, весь Мидгард гудел эхом, а тишина теперь казалась зловещей: в тишине он выслеживал добычу, и даже боги не знали, кого он выберет на сей раз. Тюр приносил ему дичь и кабаньи окорока, чтобы задобрить и привязать к себе, Фенрир жадно заглатывал мясо, выл и снова убегал убивать.

Наконец пришел день, когда боги решили волка связать. О богах северяне говорили теми же словами, какими обозначали связи и путы — то, что скрепляет мир, увязывает вместе, не дает прорваться хаосу. Один правил копьем, выточенным из ветви Иггдрасиля, с древком, покрытым рунами правосудия. Ударом копья он начинал войны, разрешал споры, добивал героев на поле

битвы, чтобы вознести в Вальгаллу, где вечно едят жареную вепревину, пьют мед и играют в тавлеи. Боги желали крепко держать мир в руках, а волк был буйный сын непостижимого и непредсказуемого Локи, потешавшегося над их торжественной спесью и предрекавшего им дурной конец. Но таково было их понимание порядка вещей, что они не убили волка, а решили обездвижить его и поглумиться. Для этого нужна была хитрость. Нужно было так обмануть волка, чтобы он сам помог богам.

Боги сковали прочную цепь и назвали ее Лединг. Все вместе пошли в лес к волку, льстили, говорили, что принесли ему новую игрушку позабавиться и показать свою мощь. Они, мол, свяжут его для шутки, а он разорвет цепь и всех удивит своей силой и проворством. Волк вздыбил шерсть на загривке, посмотрел на них холодно и расчетливо и зрачки сузил с булавочную головку. Что ж, сказал он, это мне под силу, но только зачем? Мы побились об заклад, отвечали боги. (Дело было на краю прогалины, и волк мог кануть обратно в темный лес, а мог и прянуть на богов)…Мы бились об заклад, сказали они, о том, как быстро ты разорвешь цепи. Хеймдалль-глашатай, охранявший высокие врата Асгарда, мог расслышать,

как трава выходит из земли и шерсть растет на овце. Он слышал, как бежит и колотится кровь у волка в жилах, как мышцы натягивают шкуру. Поиграй с нами, сказал он зверю. Тот оценивающе глянул на Лединг, лег на лесной войлок и протянул вперед большие когтистые лапы. Тогда боги взяли цепь, скрутили его всего, завязали пасть, чувствуя, как разит от него жаром и сырым мясом, и бросили на земле, словно быка, предназначенного на вертел. Волк кашлянул, хрипнул перетянутым горлом, помотал головой, потом встряхнулся, напряг мускулы… Цепь лопнула и грудой спала на землю. Волк поднялся, недобро глянул на богов и издал звук между воем и урчанием. Боги знали, что такой у Фенрира смех. Волк словно бы ждал продолжения игры, но боги молча отступили.

Вернувшись в Асгард, они велели кузнецам расстараться получше. У новой цепи были двойные звенья, хитро сплетенные между собой. Имя ей было Дроми. С ней вернулись боги к Фенриру. Он склонил голову набок, оценивая крепость ковки. Добрая цепь, сказал он, но и я подрос с той поры, как порвал Лединг. Ты прославишься среди зверей, сказали боги, коли одолеешь такую отменную штуку. Волк подумал и сказал, что

цепь и впрямь крепка, но и он окреп с последнего раза. И снова позволил Фенрир связать себя. Снова он встряхнулся, выгнулся, напрягся, дернул ногами — от цепи только звенья полетели. Фенрир ухмыльнулся, вывалил язык и насмешливо фыркнул. Он продолжал расти, и Хеймдалль все время слышал это.

Боги послали Скирнира, молодого гонца, к карликам, жившим глубоко под землей, в краю темных альвов. И карлики изготовили тонкие путы из вещей небытных. Счетом их было шесть: звук кошачьих шагов, женская борода, корни горы, медвежьи жилы, рыбий вздох и птичья слюна. Длинная, тонкая вышла лента, легче воздуха и глаже шелка. Назвали ее Глейпнир. С лентой пошли боги к волку, сказали, лукавые, что она крепче, чем кажется на первый взгляд, по очереди пытались разорвать ее, но только зря трудили руки. Волк почуял недоброе. Он хотел отказаться, но боялся, что боги посмеются над ним. Поэтому отвечал, что не очень-то им верит, что подозревает двоедушие, но так и быть, сыграет, если кто-то из них положит ему в пасть руку как залог связавшего их честного уговора. Тюр опустил руку на горячую голову зверя, словно успокаивал пса. Потом другую осторожно всу-

нул ему в пасть. Боги невесомой лентой обвили Фенриру бока и ляжки, лапы и когти, шею и зад. Фенрир встряхнулся, изогнулся, рванулся — но чем больше он рвался, тем туже стягивались путы. Это было неизбежно. И так же неизбежно он стиснул челюсти, пронзая кожу, плоть и кость. Боги смотрели, как Фенрир грызет и глотает их залог. Потом перевязали Тюру кровавую культю. Волк с ненавистью обвел их взглядом и сказал, что раз по силам ему сожрать божью руку, то в свое время он их всех убьет. В ответ боги взяли конец ленты, называемый Гельгья, и продели его в отверстие непомерной каменной плиты Гьёлль. Эту плиту они загнали глубоко под землю. Второй конец ленты зарыли, привязав к огромному камню Твити. Волк страшно выл и лязгал зубами. Боги, смеясь, взяли меч и расперли ему пасть, так что рукоять вошла под язык, а лезвие врезалось в нёбо. Великий зверь скорчился от боли, и вместе с воем хлынула у него изо рта пена рекой. Реку назвали Вон, что значит «надежда».

Надежда — на что?

Боги знали, Один знал, что время волка еще придет. В конце всего волк воссоединится с родичами. Предсказаны были ужасы. Ждали, что вырвется на свободу пес Гарм, сторожащий

Хель[23]. Гарм был в родстве с двумя волками, вечно гнавшимися за Солнцем и Месяцем под черепом Имира. Тоненькая девочка читала о мире, созданном из растерзанного тела великана, и рассматривала картинку: день и ночь, солнце и месяц в колесницах, запряженных прекрасными конями. Светила мчали отчаянно быстро, и девочка понимала: они живут в бесконечном страхе. Позади у них волки вытянулись в бешеном беге. Загривки вздыблены, языки наружу, неустанная волчья погоня, ждущая: вот споткнется добыча, вот на секунду замешкает… Откуда взялись эти жуткие создания? Девочка не знала. По легенде, они были дети мрачно-свирепой великанши из Железного леса, Фенрировы братья. Девочка думала, что было, наверное, время, когда новенькие светила двигались, как пожелают: блуждали по небосводу, останавливались продлить какой-нибудь дивный денек, или лето, или темную ночь без снов. В одном древнем мифе у волков были имена. За солнцем гнался Сколь, а Хати, сын Хродвитнира, хотел схватить луну. Получается, думала девочка, что ровное движение света и тьмы, смена дня и ночи, зимы и лета — все это от

[23] Примечания: 23

Подобно греческим и римским мифам, Эдды отождествляют божество подземного мира с ее царством.

страха, от волков под черепом. Порядок происходит от пут и цепей, от пугающих когтей и клыков. Девочка, окруженная войной, мрачно читала еще одно предсказание: будет волк по прозвищу Лунный пес. Он выпьет кровь всех убитых, проглотит небесные тела и кровью запачкает небосвод вместе с Вальгаллой. От этого обезумеет солнце с его жаром и светом и великие ветры помчат по земле, валя леса и дома, опустошая поля и равнины. Под ветром искрошится морской берег и дрогнет исконный порядок вещей.

Ёрмунганда

1. На мелкоморье

Змейка летела вниз и меняла облик: то, окаменев, превращалась в копье, острую морду направляла вниз, и тогда поблескивали клыки и ветром откидывало назад гриву из мясистых отростков. То, как хлыст, свивалась в кольца и петли, то легкой лентой порхала в воздушных струйках. Она была зла, что ее силком разлучили с братьями, но натура чувственная брала свое: ей нравилось, как ветер шурша гладит ее, нравился запах сосен, вереска, горячих песков, соли. Она смотрела, как море морщится, сине-стальное в желтоватых гребнях, и в нужный миг вошла в него гладко, как ныряльщица, головой вниз, вытянув сильный хвост. И вниз — сквозь новую стихию до самого дна и вдоль, вздымая вихорьки песчинок, гладко скользя меж каменных выступов. Она была земное чудище, росла в Железном лесу, играла в густо-зеленых тенях, лежала, свернувшись в пыли. Теперь она узнала соленую воду и новую легкость в мышцах, всплывала невесомо, серебрясь, как молодой угорь. Поначалу она держалась на мелкоморье, кроваво-красными ноздрями ловя береговой воздух, пробиралась

через каменные озерца, скользила вдоль линии прилива. Цапала крабов, морских блюдечек и устриц, острыми клыками вскрывала панцири моллюсков-черенков, раздвоенным языком выуживала сочное мясцо. Ей нравилось искать и находить. Защитный облик добычи ее не обманывал, и напрасно раки-отшельники поспешно прятались в заброшенных раковинах.

На остроугольной голове сидели у нее два острых глаза без век. Ёрмунганда высматривала на дне плоских ершоваток, словно присыпанных песком, тревожно глядящих черными камешками-глазка́ми. Любовалась: хороша была оборка по краю плавников и хвоста, хороша теневая полоса между телом, отделанным под песок, и настоящим песком. Потом сдувала песчинки и подцепляла ершоватку острым языком. Любовалась-всасывала-любила-глотала. А косточки выплевывала. Она всегда была голодна и всегда убивала больше, чем могла съесть: из любопытства, из любви, из неугомонности.

И потому — росла. Отращивала жабры под гривой, пока не научилась дышать под водой. Теперь уж ей не нужно было всплывать за воздухом и держаться у берега, разве что сама захотела бы.

У Ёрмунганды не было защитного облика, но в

те первые дни ее трудно было заметить: она была хитра и проворна. Ее облегала гладкая, стеклянистая броня, а под ней, в отраженном чешуями свете, плоть переливалась из черного в красный и зеленый. Ей нравилось лежать затаясь среди ковров и подушек пузырчатых водорослей, медленно перетекать вместе с ними по воле течения, выплывать и втягиваться, небрежно сгрудив кольца. Словно она тоже водоросль, а ее корона — зеленый морской куст, из которого, впрочем, глядят два внимательных глаза.

Ей бывало одиноко в пустых бухтах, и она придумала игру: выплывала на гладкую воду, ложилась, расслабив мышцы, и ждала волны. С волной прокатывалась по морю, позволяла нести себя, как обломок рыбацкой лодки. Подымалась вместе с гребнем, блестя влажными глазами, словно искрами солнечной ряби. Изгибалась, чтобы с пеной, полной воздуха и солнца, грянуть о берег и шипя на нем растянуться. Раз, прокатившись, она подняла голову — над ней стоял человек в плаще и шляпе, надвинутой на глаза. На миг ей показалось, что это Один Одноокий пришел мучить ее, и она вскинулась, готовая к битве. Но человек повернулся, остро глянул на нее из-под шляпы, и она поняла: Локи! Локи лука-

вый, Локи хитроумный, Локи — отец, чей облик даже ей трудно было удержать в памяти, ведь он таинственно менялся не день ото дня, но миг от мига. Локи приподнял шляпу, и его яркие кудри пружинками выпрыгнули наружу. Он широко улыбался:

— Здравствуй, дочь. Вижу, ты растешь и благоденствуешь.

Ёрмунганда обвилась вокруг его голых лодыжек. Спросила, зачем он пришел. Пришел на тебя посмотреть. Да и к диким волнам приглядеться: есть ли у бесформенных форма? Набегают они повремённо, словно службу служат, — а вода в них дикая, и струйки растекаются куда захотят. Есть ли порядок в пляшущей пене? Змея отвечала, что пена иголочками играет по чешуе, и это очень приятно. Полубог присел на корточки рядом с ней и вывел на песке линию из мокрой гальки и просветных радужных ракушек. Сказал, что задумал начертить карту побережья, но только без ровных полумесяцев, которыми боги и люди обозначают такие вот бухты. Нет, он отметит каждый камешек, каждый ручеек, каждый нос и мыс, будь он даже мал, как подушечка пальца, и узок, как ноготь. Это будет карта для песчаных блох и песчаных угрей, ибо все связано, и если

каким-нибудь угрем заняться слишком настырно или, наоборот, вовсе позабыть о его судьбе — может погибнуть мир.

— Поэтому, — сказал Локи-насмешник своей дочери-змее, — мы должны знать все или хотя бы столько, сколько возможно. Богам в бою и в охоте помогают тайные руны. Богам лишь бы крушить и резать. На что им изучать мир? А я изучаю. Я — знаю.

Он поддал ногой временную границу из ракушек и камешков, и они полетели в мелкую воду. Нагнулся, прислушался пальцами, соскреб мокрый песок и вытянул на свет черного песконожила. Щетинистый червь извивался и дергался. Локи протянул его дочери, и та ловко всосала угощение.

2. На глубине

С той поры Ёрмунганда встречала его часто, и не только там, где земля встречается с водой. Локи возникал и на глубине.

В голодных рысканьях она задевала рыбацкие крюки, подплывала к длинным ле́сам, к клетям и сетчатым ловушкам, откуда глядели живые твари — злые, смирившиеся, ошеломленные. Приятно было снять с погнутого крюка жирную треску или разорвать вершу, где отчаянно бьются рыбы. Треску она порой глотала, а порой смотрела, как та, встряхнувшись, устремляется прочь. Сотню сельдей выпускала, вспоров сеть, а следующую сотню хапала, кромсала, глотала, и море мутилось от крови и костей. Встретив особый крюк, невыразимо сложный и многозубчатый, подымалась наверх повидать рыбака в забрызганном плаще. Только он один вязал такие замысловатые сети. Большие круги выводила Ёрмунганда вокруг его лодки, дожидаясь зова, а дождавшись, подымалась вся в блестящих струях и смеялась, как смеются змеи.

Они с Локи играли в прятки, разгадывали облики. Ну-ка поймай! — говорил он и исчезал,

оставив тень плаща таять в голубом воздухе. Как трудно было найти его в облике макрели, простой мелкой макрели, плывущей поодаль от стаи! Гладкая чешуя макрели — плащ-невидимка. На ней играют узоры водяной ряби, похожие на пятна света, солнечного, лунного, просеянного через облако, проникшего сквозь толщу воды. А стоит рыбе повернуться, и зеркальные чешуйки замерцают, как плещущие водоросли и торопливые волны… Вот он, вижу невидимого! — Змея кидалась к Локи, а от него оставалось лишь пятнышко света, дневного или ночного, неуловимого… Он выводил ее на огромные косяки быстрой искрящейся макрели, а сам оборачивался рыбой-мечом или рыбой-копьем и тоже пускался в погоню. Мчащий косяк был похож на одно непомерное существо с огромным чревом. Он кипел, переливался из зеленого в розовый, в синий, в стальной — и вдруг замирал, резко сворачивал, чертил круги. Змея и многоликий Локи гоняли рыбьи косяки из чистого удовольствия: их забавлял хаос, так быстро и ладно меняющий очертания. Снова и снова они врезались в рыбью толщу, дробили ее на верткие стайки, подцепляли на зубок отставших, колесом запускали серебристый поток и заглатывали целиком. Змея все время была го-

лодна, потому что все время росла. Когда-то была она с мышцу на мужской руке, потом с крепкую мышцу ляжки, и еще дальше наливалась силой, и стала как корабельный канат. В воду опускалась с громовым всплеском, когда плыла, рвала боками водоросли, животом стирала со дна все, что на нем жило.

Бездонная пасть раскрывалась у нее еще шире. Клыки, и так страшные, росли и крепли: без счета проглочено было скелетов и раковин…

Ёрмунганда обрыскивала моря от одного ледяного полюса до другого, а порой выводила круги в жарких океанах под огненным солнцем. Проплывала под ледниками, ползущими в воду, скользила в аквамариновых ходах и норах, то хватала ныряющего альбатроса, то выплевывала помятую шкурку толстого тюлененка. Видала мангровые леса, шныряла в лабиринтах корней, ушедших в жидкий прибрежный ил. Рыбы-прыгуны и крабы-скрипачи только на зубах похрустывали, а осколки панцирей летели в тот же ил, насыщенный палыми листьями, мертвыми водорослями, скелетиками и скелетами. Ёрмунганда лежала в иле и смотрела наверх: смутно видимые люди сыпали в реку яд, от которого рыбы начинали разевать рты, цепенели

и всплывали на поверхность. Тогда она лениво придвигалась поближе и глотала жирную рыбу вместе с ядом.

Так она и плавала, встречая многомильные стада медуз — пульсирующих стеклянистых зонтиков с тонкой ядовитой бахромой. Все это она всасывала, не разбирая. Яд не вредил ей, но собирался в камерах позади клыков и бежал в крови, как ртуть. Собственным ядом плевала змея в глаза бурым дельфинам и тюленям-монахам, ослепляла их и проглатывала, а то, что она не могла переварить, медленно покачиваясь опускалось на дно. Однажды на глубине она погналась за скатом-хвостоколом, необъятным, плоским, тускло-коричневым, с длинным остроконечным хвостом и глазами, полускрытыми в глубоких глазницах. Но что-то в его повадке насторожило ее, и, уже вскинув голову для удара, змея замерла. Тут скат утратил свой гибкий очерк и растворился в слоистых чернильных тенях, чтобы тут же возникнуть в облике небольшой акулы, маслянисто-серой и хитро-улыбчивой. Ёрмунганда поняла, что это ее отец.

Однажды, извилисто скользя в подводных ле-

сах, она выплыла к Рандрасилю, древу морскому, и окружавшим его садам. Может быть, Рандрасиль не всегда стоял на одном месте: змея ведь и раньше плавала среди зеленых зарослей, а эту золотую крону и янтарный таллом с мощным корнем-развилкой видела в первый раз. Она была тогда размером с болотную анаконду — самую длинную и толстую анаконду, какую только можно вообразить. Невдалеке буря взбивала пену, подводные кратеры плевали кармазинной и малиновой пемзой, пыхали густым черным дымом. Но здесь все было мирно и изобильно. Губки, актинии, черви, лангусты, морские слизни в великолепных полосах и крапе, улитки всех цветов, рубиновые, тускло-меловые, агатовые, масляно-желтые, поедали слизь с пышных лент кроны. К корню-развилке лепились морские ушки: медленные орды раковин розовых, красных, зеленых и белых — в белых начинка лакомей всего. Морские ежи, щетинясь живыми иголками, паслись среди толстых пластов водорослей, сотни глаз глядели из приютной кроны великого Древа, качавшегося в медленных течениях. Угри иглами пронзали подушки саргассов. Ёрмунганда лежала тихо и блаженно глядела вокруг, не забывая примечать саргассовых травяных рыбок, за

которыми тянулись пестрые шлейфы, неотличимые от водорослей. В подвижных чащах таились морские драконы. Проплывали великанские змеезубы, остроугольные и плоские, похожие на толстые ленты Рандрасилевой кроны. На поверхности разная живность устраивала себе гнезда из лент. Морские птицы покачивались на зеленых подушечках, умные пушистые выдры лежали в зеленых зыбках, так и сяк вертя морские ушки, высасывая вкусных моллюсков.

В тот первый раз Ёрмунганда глядела на Рандрасиль почти с тоской. Ей не было пути в эти кущи: она уже была слишком толста, слишком тяжела. Она была как тот прохожий у витрины, что из мокрого мрака глядит на ослепительные сокровища. Змея подалась назад, склонила чудовищную голову и поползла прочь. Пройдет время, и Ёрмунганда снова увидит морское древо, но сама она будет уже совсем другой.

Она продолжала расти. Она была больше любой земной змеи. Она была длиной с речной рукав или с дорогу, ведущую через пустошь. Ей требовалось все больше пищи. Подобно китам, она всасывала криль, догоняла и целыми стаями глотала сельдей. Опускалась в темноту. Там у самого дна жили кашалоты и чудовищные кальмары

трупного цвета. Набрасывалась на них, рвала клыками. Исполины-киты ей была пока не по силам, но однажды она уже объела китовью тушу, вместе с терпким жиром заглотив целые армии червеподобных миксин, глубоко врывшихся в мертвую плоть. Длинным гибким кальмарам она вырывала щупальца, вгоняла клыки в бледные глаза, сосала и глотала в чернильном облаке, в черной бессветной воде.

Теперь она ела, потому что голод был неутолим. Длиной и шириной равнялась большой реке. Раз, огибая плавучую льдину, сорвалась в погоню за темно-мерцающей тварью и потом только поняла, что гонится за собственным хвостом. Голова ее, некогда точеная, понемногу покрывалась уродливыми буграми и наростами. Как-то она мчалась за стаей косаток — китов-убийц, гнавших стаю дельфинов. Охотники и добыча, выпрыгивая из воды, чертили дуги над холодными волнами. Один кит держался поодаль от остальных. Он был необычно блестящий, словно отполированный, влажный черно-белый мрамор. Его огромный рот, казалось, смеялся, — да, именно смеялся, а глаза насмешничали, чего у китов нет и в обычае… Демон и его дочь приветствовали друг друга, она — взмахом пышной

гривы-короны, он — свистом, щелканьем и ударами плавников.

Кит и змея охотились вместе. Били большую рыбу — жирную, медлительную, ленивую треску, порой вырастающую с человека. Лакомились прихотливо: вырывали печень и ястыки с икрой, плавники и кости отбрасывали. Пожалуй, забавней всего было гнать голубого тунца — теплокровный, гладкий, быстрый, он блестел черными глазами и походил на огромный щит, отделанный жемчугом и турмалином. Им попадались людские ловушки на тунцов, целые города из сетей с замысловатыми воротцами, ходами и внутренними каморками, откуда один путь — на бойню. Отец и дочь вспарывали хитрые сети клыками и плавниками, с удовольствием следили, как порскает освобожденная рыба. Одним улыбались, других пожирали. То возглавляли косяки, то пощипывали им края. Ловили тюленей, как ловят их косатки: черно-белый, улыбающийся Локи выпрыгивал из воды стоймя и бил по ней хвостом и плавниками. Подымалась волна, и гревшихся на камнях тюленей — крабоедов, леопардовых и прочих — смывало в осклабленную пасть змеи.

Они играли вместе, и часто от этих игр вода окрашивалась багровым, да и чуть придушить

друг друга они могли.

Все это время она росла. Вытянулась, как армия на переходе. Шириной сравнялась с подводными пещерами, уходящими глубоко во мрак. Она все больше времени проводила в темнейших глубинах, куда не проникал солнечный свет, где добыча была скудна и странно светилась красным и синим. Ей попадались горные хребты под водой и жерла, изрыгающие столбом горячий газ. Она глотала воду с блеклыми придонными креветками и вытягивала из трещин бахромчатых червей. Морские жители не догадывались о ее приближении: ни одно из доступных им чувств попросту не могло ее охватить. Да и не бывало раньше таких огромных тварей. Она меж тем сделалась размером с цепь вулканов. Ее морда покрылась водорослями, как лесом, в короне запутались кости, раковины, клочья кожи, оборванные крюки и лесы. И конечно, она была очень тяжела. Проползая по коралловым зарослям — розовым, золотым, зеленым, полным жизни, — она оставляла за собой плоское дно, меловое и мертвое.

Рыбалка Тора

Однажды Ёрмунганда поднялась из глубин и увидела голову такую же страшную, как у нее самой: рогатую, с остекленелыми глазами, нависшим лбом и черными ноздрями-жерлами. Голова была без тела, только кровью краснел обрубок шеи. Змея вскинулась стоймя, как косатка, и голову заглотила. А внутри, в горле, оказался у добычи крюк — тяжелый, на такие подвешивают котлы над огнем. Слишком быстро глотнула змея, крюка не заметила, но вот кто-то потянул лесу, дернул, и, взметнув зловонную пену, вместе

с мертвой головой-приманкой показалась над волнами голова змеи.

Ёрмунганда увидела лодку — обычную, рыбачью, каких много поломала она и ненароком, и играючи. В лодке сидел инейный великан-хримтурс, серо-серебряный с синим отливом. У него была густая, льдом покрытая грива и огромная борода цвета пепла… Но кто это с ним, кто маячит над лесой, уходящей ей в пасть-пещеру? Лицо такое же свирепое, как у нее, черное от ярости и натуги, глаза сверкают красным из-под густых бровей, и все это в оправе огненной бороды и волос. Тор! Тор, бог-громовик, тянет ее на крюке…

Змея стала подыматься, расти над волнами — казалось, что ей не будет конца. Поднялась выше мачты Торовой лодки, покрепче зажала приманку в израненной пасти и потянула. Удилище согнулось и задрожало. Бог держал крепко, лодка плясала в воде. Змея трясла отростками на голове и шипела, плюя ядом. Бог яростно вперялся в нее и тянул, тянул лесу. Великан встревожился:

— Несдобровать нам!

Небо потемнело, тучи навалились черными сугробами. Змея извивалась и шипела, бог сжимал удилище. И тут молния рассекла покров туч. Никогда еще змея не знала такой мучительной

боли. Она захрипела и забилась о волны. Леса натягивалась, удилище гнулось, но не ломалось: его оберегали сильные руны.

Наконец великан — звали его Хюмир — перебрался к другому борту лодки, в которой уже плескала вода, вынул большой охотничий нож и одним ударом пересек лесу. Змея взревела и канула. Бог, охваченный яростью, схватил свой молот с короткой рукоятью и пустил ей вдогонку, целя в голову. Тор бил метко. Густая, темная кровь заклубилась в воде. Молот пошел ко дну, и змея погналась за ним во мрак. Хюмир угрюмо буркнул, что Тор об этом пожалеет. Бог огрел его кулаком по каменной голове, да так, что великан вывалился за борт. Тор выпрыгнул из лодки и то вплавь, то вброд двинулся к берегу.

Змея терлась о скалы, пытаясь избавиться от крюка с обрывком лесы. Открытую пасть проволокла по острым камням и выплюнула наконец мертвую наживку вместе с крюком и клочьями черного мяса.

После встречи с Тором змея сделалась злее. Все чаще убивала ради забавы, проламывала лодкам дно, вырывала с корнем морские леса, чтобы потешить гнев. Потом однажды в зеленых зарослях снова встретила Рандрасиль. Он рос уже на другом месте, но вокруг был все тот же золотисто-янтарный свет, все так же держался за камни мощный таллом и тянулся вверх, поддерживае-

мый пузырьками на лентах кроны. Некогда змея с восторгом глядела на Древо — теперь она пошла на него войной. Не пощадила никого: ни рыбу-саблю, ни морских коньков, ни мягких выдр, ни чаек в плавучих гнездах, ни звезд, похожих на терновый венец, ни колючих морских ежей. Глотала мелких медуз и тонких угрей, слизней и улиток-литорин, цеплявшихся к таллому. Потрясая гривой, рвала огромными челюстями крону со всем множеством прилепившихся к ней домиков. Искалеченные руки Рандрасиля безвольно повисли, качаемые течениями. Море сделалось темно и мутно, и только вились вокруг толстые струи взбаламученного песка.

И снова странствовала змея, волоча непомерное брюхо по зарослям кораллов, по колониям мидий, давя, круша, стирая в порошок. Однажды в тусклой воде увидела: впереди шевелится что-то большое и комковатое — может, раненый кит-исполин прилег на дне. Ёрмунганда, еще не избывшая злость после встречи с Тором, гладко подалась вперед и с силой сомкнула челюсти. Мучительная боль, обогнув мир, пронзила ее вплоть до мягкого мозга в огромном черепе. Змея ужалила собственный хвост. Она росла

и выросла настолько, что опоясала землю[24]. Может, завязаться вокруг земли да так и остаться? — подумала Ёрмунганда. Но оглядевшись увидела лишь голый черный базальт да густые глубинные воды без искры жизни. Она подняла голову, сперва потащилась, а потом и поплыла, извиваясь. Если уж залечь, то там, где есть жизнь, где, вытянувшись на ложе из жемчугов и кораллов, можно глотать зазевавшиеся рыбьи стаи, где наверху танцуют тени кораблей, где можно опустить голову на зеленые водоросли, — где в изобилии будет пища для ее неутолимого голода.

[24] Примечания: 24
Вероятно, отсылка к пьесе Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Бальдр

Девочка думала о Бальдре Прекрасном. Бальдр — бог, обреченный на смерть, в книге так и было написано. Иисус с картинки, такой белый и кроткий, в золотистом свете говоривший с лесными зверятами, тоже был бог, обреченный на смерть. Иисус воскреснет и будет судить живых и мертвых — по крайней мере, так учили в церкви. Автор «Асгарда» в своей немного академичной манере писал о солнечных и растительных мифах. В день зимнего солнцестояния светило погружается во тьму, зимой растительная жизнь

отступает под землю и прячется в корнях. Земля становится тверже железа, вода превращается в лед — так ведь поется в рождественских гимнах. Именно поэтому мифы славят возвращение весны и солнца, набухшие почки и молодую зеленую травку.

Но Бальдр ушел и не вернулся. В своем новеньком, жадном до всего сознании девочка разделяла вещи на возвращающиеся и невозвратные. Ее огневолосый отец был в небе под горячим солнцем Африки, и в душе она знала, что он не вернется. Знала отчасти потому, что слишком явственно молчали о чем-то родные на Рождество, поднимая стаканчики с сидром за отца и за то, чтобы к следующему Рождеству он был дома. Были мифы, в которых жизнь свершала бесконечный круг, а были такие, где она обрывалась. К числу последних относилась история прекрасного бога Бальдра, в которой девочка находила некое мрачное удовлетворение. Впрочем, перечитывая ее бесконечно зимой и летом, девочка в каком-то смысле замкнула ее в круг. История кончалась, и начиналась заново, стоило только перелистнуть страницы. Боги «Асгарда» мучились страхами и от начала дней ждали недоброго — недаром возвели мощные стены и приставили к воротам

стражников. Над богами нависала тень неотвратимой участи. Прекрасная богиня Идун жила в чертоге среди могучих ветвей Иггдрасиля и растила для богов золотые яблоки молодости и силы. Однажды — в книге не говорилось почему — Идун пропала. Ветви Иггдрасиля, на которых она со смехом качалась, высохли и повисли. Птицы умолкли. Как ни старались норны, а колодец Одрёрир с холодной и темной живой водой просел и затянулся ряской.

Один послал ворона Хугина-Мысль разыскать Идун. Огромный ворон облетел мир, а потом спустился во мрак, в землю темных альвов. Там хотел он говорить с вождями карликов: Даином, чье имя значит «мертвый», и Траином-Неподвижным. Оба спали непробудным сном и лишь бормотали что-то о тьме, о погибели, о грозном роке и неминуемом конце. Вместо ответа ворон вернулся с новыми загадками. Тем временем небо сползало в бездну Гиннунгагап. Мир распадался. Самый воздух дрожал, и ветры сталкивались. Идун оказалась заточена под корнями поникшего Ясеня в логове древнего великана Нарви, отца черной Ночи. Боги нашли ее там, дрожащую и онемевшую. По самый лоб завернули ее в белую волчью шкуру, чтобы не видела, что сталось с жи-

выми ветвями, с которых она упала. Только тогда немного опамятовалась Идун. Боги спросили Урд, норну, стоящую возле котла с мудростью: что переменилось? Неужто время и смерть устроили им ловушку? Или это изменились сами боги? Идун, дрожащая в бледно-белой шкуре, и древняя Урд в ее черном вретище были словно карлики, осоловелые от сна. Ничего не могли ответить они, только плакали, и слезы текли потоками и падали им в ладони. Огромные капли, одна за одной набухавшие на краю век и катившиеся вниз, были как зеркала, в которых боги видели лишь собственные тревожные лица. Мир вокруг замедлился, а время ускорило ход, спеша к развязке.

Бальдра тоже сковал сон. Он еле двигался, как животное в спячке, что никак не может проснуться и все соскальзывает обратно в забытье. Ему снился волк Фенрир с его окровавленной пастью: зверь вырвался из волшебных пут, сжал челюсти и сломал распиравший их меч. Ему снилась змея Ёрмунганда, обвившая мир: вот она распутала свои кольца и поднялась над волнами, плюя ядом. Ему снилась Хель в мрачных залах — ее лицо, сразу живое и мертвое, ее корона бледного золота, кубок, что приготовила она, ожидая, что Бальдр придет и воссядет радом с ней. Девочка

знала, что сны, в большинстве, непрочны и тонки, что усилием воли можно сорвать с себя сон, как паутину, свести его до суеты, подсмотренной в дверную щелку, или до пестрой головоломки, на которую глядишь со стороны безо всякого страха. Но есть сны другие, сжимающие сердце нестерпимым ужасом. Сны правдивей яви, липкие, удушающие, полные нескончаемой муки, грозящие сновидцу неотвратимой бедой.

В войну у девочки бывали такие сны, иногда абсурдные. Снова и снова снилось ей, что «немцы» спрятались под ее железной кроватью и упорно пилят ножки, чтобы схватить ее и уволочь. Она знала, что они там, даже проснувшись и понимая, что такого не может быть. В кафе и на автобусных остановках висели плакаты: серые фрицы, затаившись под скамьями и кофейными столиками, подслушивали, готовые выскочить из засады. Если придут немцы, мир погибнет. Но их прихода наяву она вообразить не могла. Ей снилось, что немцы схватили родителей, связали и бросили в яму посреди темного леса, а может — Железного леса. Родители лежали среди гнилой коры и веток, связанные и беспомощные. Немцы в серых касках шныряли хлопотливыми тенями, делали что-то с веревками и железом — а что делали,

непонятно. Сама она пряталась у края ямы, глядя вниз на испуганных пленников и не хотела, не хотела знать, что затевают немцы. Девочка понимала: страх — это когда родители беспомощны. То была пробоина в стене, защищавшей ее самое обычное, как казалось ей, детство. Ей снилось то, чего она не знала наяву: родные растеряны, им страшно. Она была девочка думающая и со временем сумела это понять. Она привыкла, что новое знание дарит силу и удовольствие, но от этого открытия ей сделалось больно.

Она задавалась вопросом: кто же они, эти мудрые и добрые немцы, написавшие «Асгард», чтобы собрать и сохранить «германские мифы и верования»? Чей голос рассказывал ей эти дивные истории и тактично подсказывал толкования?

Фригг

Фригг, супруга Одина, решила со всех существ, земных, воздушных и водных, взять клятву не вредить Бальдру. В немецкой книге были отрывки из Младшей Эдды Снорри Стурлусона[25].

Фригг целый мир заставила пообещать, что не будет ее сыну Бальдру вреда от огня, воды, железа и других руд, камней, земли, деревьев, недугов, зверей, птиц, яда, змей. Тоненькая девочка пы-

---

[25] Примечания: 25

Снорри Стурлусон (1178–1241) — исландский скальд, автор Младшей Эдды.

талась вообразить, как это было. На картинке Фригг была высокой, статной, властной, в короне, с длинными бледными волосами, подхваченными ветром. У нее была тугая рубаха-кольчуга, богатая юбка и неправдоподобные сандалии из ремешков на греческий манер. Так что же, она на колеснице объезжала мир или отправилась пешком? У девочки воображение было зрительное и шло от слов на бумаге — такой уж она родилась.

Ей виделось, как богиня летит по небу в колеснице, взывая к облакам-мыслям Имира, к ветвистым молниям, к граду, снегу и потопу, молит их не вредить ее сыну, а те прерывают на миг свой бег, падение и пылание, чтобы дать согласие. А иногда богиня представлялась ей идущей по крутым тропинкам в горах, испещренных расселинами, там, где, по словам немецкого писателя, из пугающего хаоса камней люди творили богов и инейных великанов-хримтурсов. Окруженная золотым мерцанием, богиня бесстрашно говорила с этими дикими громадами, просила не вредить Бальдру. И снова все затихало на миг, и снова звучало «мы согласны». Тогда богиня устремлялась вниз к корням гор, в темные подземные пещеры, где драконы и огромные черви глодали корни Мирового ясеня. Заклинала не

только этих тварей, но сами мерцающие стены пещер, кремневый песок и базальт, прожилки железа, олова, свинца, золота и серебра, тонким узором проницающие камень. Просила красную лаву, бурлящую в подземных озерцах, бегущую струями среди клубов пара и застывающую пемзой. Просила сапфиры, алмазы, опалы, изумруды, рубины. Тоненькая девочка в экстазе воображения слышала, как все эти неживые вещи шепчут, скрипят, шелестят — обещают. Все они были части одного мира, и никто из них не повредил бы Бальдру Прекрасному. Иногда девочка воображала зверей, стоящих рядами, словно перед отплытием Ноева ковчега или на шестой день творения. Там были звери гладкие и мохнатые, с оскаленной пастью и грозными клыками. Черные пантеры, пятнистые леопарды, полосатые гиены, львы на мягких лапах, тигры (огненный зрак поэта Блейка[26]), беспокойные шакалы и, конечно, волки, серые волки, неутомимые преследователи, союзники воображаемого врага. Все они дали клятву богине Фригг, как дали ее воющие бандерлоги, утконосы с отравленными когтями, медведи на льдинах и в джунглях, чьи

[26] Примечания: 26

Отсылка к стихотворению «Тигр» Уильяма Блейка (1757–1827). Здесь в переводе С.А. Степанова.

добрые морды скрывают их злобный нрав. Обещали и хищники, таившиеся в живой изгороди: ласка, горностай, барсук, хорек и полевка. Эти звери — никакая не родня крольчатам, бельчатам и прочим, умильно слушавшим Иисуса на лесной полянке. Они не знали жалости, их когти и клыки были красны[27]. То были охотники, добыча, а часто то и другое вместе, но и они остановились, смирив жаркое дыхание, чтобы дать клятву богине. Принесли клятву и птицы: орлы, ястребы, коршуны, сойки и сороки, а с ними нетопыри, висящие в пещерах, словно куски кожи с мелкими ротиками, жадными до крови.

А потом настала очередь змей. Тут у девочки по спине всегда пробегала дрожь. Она однажды видела выползок, сброшенную кожу кобры: сохранился даже клобучок, прикрывавший остренькую, угловатую головку. Змеи открывали клыкастые пасти и шипя клялись: гадюки и сурукуку, бунгары и кобры, змеи жалящие и плюющие ядом, гремучие змеи и великие тропические душительницы: боа-констриктор и анаконда. А были еще морские змеи, свивающие кольца и проблескивающие в маслянистой воде.

---

[27] Примечания: 27

Отсылка к поэме Альфреда Теннисона (1809–1892) «Памяти А.Г.Х.», где говорится, что у природы красны клыки и когти.

Были водные хищники: болотные крокодилы-магеры и аллигаторы и, конечно, рыбы: гладкие акулы и веселые косатки, исполинские кальмары и жгучие медузы, огромные косяки тунца и трески. Перечисления тянулись и уходили вдаль, туда, где конец мира.

Давали клятву даже те, кто, кажется, никак не мог повредить юному богу: устрицы и уховертки, анемоны лесные и морские, и даже травы, сотни разных трав. Клялись приятные и невинные на вид убийцы: мрачно-лиловая красавка, ракитник, поникший под тяжестью ярко-желтых цветов. И грибы клялись: бледная поганка в оборчатой шляпке, полезная печерица и мухомор.

Между деревьями и зверями Снорри перечислил болезни. Как от болезни добиться обещания не вредить? Девочку невыносимо мучила астма. Во время приступов она целыми днями лежала в постели, читая энциклопедии и «Асгард». Астма представлялась ей живым существом, поселившимся в груди. Белая, паутинно-тонкая, астма расползалась, как паразит, в отчаянно работающих легких, в мозгу, вертящемся колесом. Она была как корни, медленно проникающие в кладку стены, она состояла в родстве с омелой и боа-констриктором. Девочке пришлось научить-

ся лежать, сидеть и реберную клетку наклонять так, чтобы ослабить хватку астмы. Порой она представляла, как Фригг горячо просит: «не тронь его». И астма на миг отпускала девочку, чтобы дать обещание богине. Виделись ей воспаленные рыльца кори и ветрянки: болезни жаркие и прожорливые все же согласились. У девочки уже была корь: заползла внутрь и кипела под кожей. Ветрянка вздувалась и лезла наружу волдырями. Но и они поклялись Фригг. Поклялись пощадить ее сына.

Весь мир скреплен был этими клятвами. Земля была, как огромный вышитый платок или богатый гобелен, у которого с испода сложно переплелись нити. Весной и осенью девочка шагала в школу через цветущий луг. Пшеничные поля были обведены цветочной каймой: в ней алели маки, мелькали голубые васильки, пестро́ глядели большие белые ромашки, куриная слепота, барашки, володушки, волчье лыко, розовый жабрей и петрушка-свербигуз, пастушья сумка и козьи рожки. В длинной луговой траве виднелись гусятницы, молочницы и северные орхидеи: кокушник с ятрышником.

По земле и под землей деловито ползали черви, спешили куда-то сороконожки, радовались

жизни ногохвостки. Всевозможные жуки рыли ямки и откладывали крошечные яйца. Извивались личинки и гусеницы, кто-то из них попадал на обед к птенцам и полевкам, кто-то по волшебству превращался в бабочку. Сколько же их было — бело-золотых, шоколадно-лиловых, бледно-голубых и бирюзово-зеленых, украшенных полосами, оборками, мерцающих глазами на черных бархатных крыльях! Над кукурузой взлетали жаворонки и заливаясь песней винтом уходили в небо. Зуйки кувыркались в воздухе и кричали: «пи-вит! пи-вит!» У девочки были книги о птицах и цветах, она всех замечала: овсянку, снегиря, певчего дрозда, чибиса, коноплянку, вьюрка. Они ели и сами становились кому-то пищей, они исчезали, когда год поворачивал на зиму, но возвращались в день весеннего равноденствия. Они вечно возвращались, а Бальдр, вопреки всем клятвам, обречен был умереть. Девочка думала: если отец не вернется, то это навсегда.

В мифе ничего не говорилось о людях. Может, потому, что они были беспомощны перед лицом богов. А может, люди не считались или были в каком-то другом мифе. Так или иначе, они не были частью богато-мерцающего мирового ковра с его выпуклостями и тенями.

Девочка знала, что клятвы тщетны, что богиня о ком-то забыла. В любом мифе рок неотвратим. Именно на этом этапе что-то не сладится, не сложится, что-то обязательно не свяжется — независимо от концовки. Никому, даже богам, не дано совершенно и полностью отгородиться от рока. Всегда будет трещинка в доспехах, оброненная нитка, миг рассеянности или усталости. Богиня все и вся связала клятвой не вредить Бальдру. Но миф развивался таким образом, что Бальдру суждено было погибнуть.

Боги праздновали: в единой клятве сошлись четыре стихии и все, что их населяет и составляет. Праздновали, как заведено было, с криками и драками. Затеяли что-то вроде потасовки на детской площадке, когда все наваливаются на одного, только в этом случае жертва, Бальдр, стоял спокойно, немного гордясь своей неуязвимостью. А боги метали в него все, что попадало под руку: палки, жезлы, камни, кремневые секиры, ножи, кинжалы, мечи, копья, а под конец даже Торов молот. С восторгом глядели, как орудия смерти, подлетев к Бальдру, описывают мягкую дугу и возвращаются в руки хозяев. И чем больше возвращалось кинжалов и копий, тем быстрее и пуще метали их боги. Славная игра, кричали

они. Славнее не бывало. И снова хохотали боги, и снова целились в Бальдра.

Фригг была тогда в своем чертоге, называемом Фенсалир. В чертог-то и явилась к ней старуха. В книге Фригг не удивилась этому, не спросила, кто она и откуда пришла. Перед верховной богиней стояла старуха, похожая на всех старух, — можно сказать, первообразная. Все у нее было как полагается и даже с перебором: и сетка морщин на лице и шее, и прихотливые складки длинного плаща, надетого поверх темного платья… Старуха холодно глядела серыми глазами, и даже верховная богиня не могла выдержать этот взгляд. Но Фригг чувствовала: со старухой надо говорить. Казалось, эта надоба окружает старуху легким мерцанием, скрепляет ее облик, не дает рассыпаться. То мерцал, конечно, Локи Многоликий. Фригг спросила, почему с лугов Асгарда доносятся крики и уханье, а Локи только того и ждал:

— Боги тешатся. Мечут в Бальдра всякое оружие, а ему ничего не делается, — сказала старуха и льстиво добавила. — Видно, кто-то целому миру повелел Бальдру не вредить. Такое только великим волшебникам под силу.

— Бальдр мой сын, — отвечала Фригг: не могла не ответить, коли так было угодно мифу. — Это я

обошла мир и у всех взяла клятву.

— Да точно ли у всех? — спросила старуха.

— К западу от Вальгаллы видела я на дереве побег омелы. Увидеть увидела, а сообразила, только когда мимо прошла. Но он такой слабенький, еле живой, да и слишком молоденький, чтобы клятвы давать.

И все-таки, думала девочка, Фригг, наверно, немного беспокоилась, раз вспомнила о каком-то побеге…

А старуха — старуха исчезла. Может ее и вовсе не было. Фригг устала от странствий и бесед, в глазах у нее рябило. Она сидела, прислушиваясь к веселым крикам богов.

Локи отправился на поиски омелы. Омела — слабосильный убийца. Прилипает к дереву и длинные, тонкие корни, похожие на слепых червей, запускает в канальцы, по которым идет вода в крону, пьющую влагу и испаряющую лишнее. У омелы нет ни веток, ни настоящих листьев, только путаница восковых стеблей со странными мясистыми наростами и грязно-белыми, липкими ягодами, в которых просвечивают черные семена, похожие на головастиков, — так думала девочка всякий раз, как видела зимой пухлые шары омелы, облепившие голые деревья. Накануне

зимнего солнцестояния на лампах и притолоках взрослые подвешивали веточки омелы. Под ними полагалось целоваться, потому что они вечно зеленые и прилипчивые — символ постоянства и неистребимой жизни. Иногда омелу сплетали с веткой падуба, и рядом с ней омела казалась призрачной, почти несуществующей. Падуб крепок и колок, с блестящими ярко-красными ягодами. Омела вся мягкая, обвисающая, желтоватая, как умирающая листва. В школе рассказывали о ней и предупреждали, что ягоды есть нельзя — отравишься. Добавляли, правда, что птицы их любят и разносят по миру семена омелы: чистят о ветки клювы, испачканные клейким соком, и семена прилипают к коре.

Омела может мохнатой шубой окутать дерево, высосать из него живые соки, так что останется один сухой костяк, огромная подставка для ее золотисто-серых шаров.

Девочка знала, что друиды верили в мистическую силу омелы, но в книгах не говорилось, для чего же она была им нужна. Только, что ее связывали с жертвоприношениями, в том числе — человеческими.

Локи бережно отцепил побег, державшийся за один из ясеней. Побег поежился в его гиб-

ких пальцах. Тогда Локи его погладил. Омела разрастается на теле дерева липким пучком болезненно-бледных стеблей, который называют «ведьмино помело». Локи гладил и гладил мясистый пучок, потягивал, говорил особые слова, и тот твердел и тянулся, пока не превратился в длинный и тонкий серый шест. Он еще немного лоснился, как бледно-восковые ягоды омелы, он еще сохранял странный цвет не то змеиной, не то акульей кожи. Но вот Локи повертел его в умных пальцах, и шест обрел равновесную легкость копья, заострился, как кремневый наконечник острейшей стрелы.

Теперь уже в собственном переливчатом облике Локи беззвучно вступил в толпу воющих, мечущих оружие богов. Он легко уворачивался от пик и камней, летевших в Бальдра и обратно к хозяевам, и все гладил копье, заговаривал, чтобы не превратилось обратно в омелу. Высмотрел того, кого искал: темный бог одиноко стоял на краю толпы, низко опустив капюшон плаща. Это был Хёд, другой сын Фригг. Как светел был золотой Бальдр, так Хёд был темнолик. Вторым вышел он из утробы матери, с веками, запечатанными, как у новорожденных котят. Только у Хёда веки так и не открылись. Бальдр был день и свет, а Хёд при

нем — ночь и мрак. Без одного брата не было бы другого. Хёд отроду ничего не видел и по-своему научился ходить по Асгарду: касался столпов, отсчитывал шаги, темную голову держал набок — прислушивался к пустоте. Если бы спросил его Бальдр:

— Каково это — не видеть?

— Откуда мне знать, если я никогда не видел? — отвечал бы Хёд.

Локи смотрел на Хёда: тот склонив голову слушал, как буйно веселятся боги. Что там у него под черепом? Черные пещеры, густые серые тучи, безысходно блуждающие огни? Локи отроду хотел знать все и спросил бы его, наверное, но сейчас важней было насолить богам — без причины, просто потому, что он один знал, как оборвать их торжество.

— Что же ты не веселишься вместе со всеми? — спросил он Хёда.

— У меня нет оружия. К тому же я, как ты знаешь, не могу прицелиться.

— А у меня есть дивное копье, достойное великих вождей, — сказал Локи с улыбкой. — И прицелиться я помогу. Наконец ты, Хёд, отличишься!

Локи взял слепого бога за руку и вывел впереди

толпы. Вложил копье ему в ладонь. Быстрыми пальцами накрыл темные пальцы Хёда.

— Вон он, Бальдр, — сказал Локи, наводя на Бальдра копье, — Стоит с открытой грудью, улыбается, ждет, чтобы и ты метнул в него смерть.

Он поднял Хёду руку на высоту плеча и отвел ее назад. Потом разжал пальцы:

— Вот так. Теперь мечи.

Хёд откинул капюшон с темного лица и метнул копье.

Омела пробила Бальдру грудь, и он упал, хрипя. На груди красным расцветала смертельная рана.

Стало тихо. Хёд беспомощно вертелся, ища Локи. Над ухом у него прожужжал комар — многоликий Локи скрылся.

Скорбь богов была ужасна. Они не владели собой. Не могли говорить от рыданий. Больше всех страдал Один: боги не умирают. Если прекраснейшего, добрейшего из богов можно убить играя, значит, худшее еще впереди. Боги долго стояли на месте, как глупцы: не могли не только что унести Бальдра, но даже дотронуться до него. Ветерок играл его светлыми волосами. Хёд Темный стоял один и слушал рыдания. Девочка пыталась вообразить, что творилось у него в голове, и не могла.

Фригг была не только матерью, но и великой богиней. Она пожелала сделать сына неуязвимым, и его смерть была насмешкой над ее величием. Страшная в скорби и ярости, Фригг отказывалась принять насмешку и поражение. Отказывалась принять такой конец. Бальдр ушел в мир мертвых, но и под землей есть те, у кого можно выторговать его обратно. Упросить, умолить. Даже холодная Хель смягчится, увидев ее слезы и скорбь, ведь ни одна мать еще так не скорбела о сыне. Ей не могут отказать. Бальдр не может умереть. Фригг повернет ход мифа и даст ему новое окончание.

— Кто из асов, — проговорила она голосом, хриплым от рыданий, — кто из асов спустится в Хельхейм и уговорит его хозяйку вернуть нам Бальдра Прекрасного?

Хермод-страж легко выступил вперед:

— Я.

— Возьми Слейпнира Восьминогого, — сказал Один. — Быстрей Слейпнира нет на свете коня. Не зря я лечу на нем впереди Дикой охоты.

Привели Слейпнира. Хермод легко вскочил в седло, и конь одним прыжком вынес его за ворота Асгарда. Путь лежал в бездну Гиннунгагап.

Боги не могли покарать Хёда: Бальдр был убит

на священном тинге[28]. Но они изгнали его в темные леса Мидгарда, и там он жил — днем прятался, а ночью бродил, вооруженный огромным мечом, что ему подарили свирепые лесные демоны. Девочку мучили вопросы: горевала ли Фригг о своем втором сыне? Думала ли, каково ему приходится? Знала ли, что это Локи его обманул? Миф неостановимо двигался вперед, кого-то заливал яркий свет, а кто-то, как Хёд, оставался в тени.

Похороны Бальдра были одним из самых ярких и торжественных мест во всем мифе. Мертвого бога облекли в красивые одежды и отнесли на берег, где стояла на помосте его длинная, стройная ладья, называвшаяся Хрингхорни. У нее был высокий, изогнутый, резной нос в виде дракона и обшивка из черных досок. Бога подняли на ладью и доверху нагрузили ее золотом из Вальгаллы, кубками, сулеями, щитами, кольчугами, алебардами. Все это было усыпано самоцветами, завернуто в меха и шелка. Принесли разные яства, мясо золотого вепря. В запечатанных сулеях принесли вино. Пришел Один, принес волшебное кольцо Драупнир-Капатель. Раз в девять ночей капало с него по восемь таких же колец. Один

[28] Примечания: 28
Тинг — место собраний.

наклонился к меловому лицу сына и что-то прошептал. Что — никто не знает.

Когда Нанна, вдова Бальдра, увидела его тело на ладье, то глубоко вздохнула и упала наземь.

Боги бросились к ней, хотели помочь, но она уже умерла. Ее тоже одели в лучшие наряды и положили рядом с мужем на погребальный костер, который оставалось только разжечь.

Ладья была очень тяжела. На нее возвели еще и Бальдрова коня-исполина во всей блестящей сбруе. Боги хотели запалить костер и горящую ладью скатить по каткам в море, но они так нагрузили ее, что не смогли даже сдвинуть с места.

Огромная скорбная толпа ждала, когда вспыхнет пламя. Были там Один с Фригг, вороны Хугин и Мунин и валькирии, которым не под силу было спасти мертвого бога. Были великаны, инейные и горные, светлые альвы, темные альвы и дисы, отчаянные духи-плакальщицы, умеющие оседлать ветер. Какой-то инейный ётун сказал, что в их краю есть великанша, которая гору может выдернуть с корнем и перенести на новое место. Один кивнул головой, и тут же кто-то из грозовых великанов полетел в Ётунхейм. Могучую великаншу звали Хюрроккин. Она явилась не на крылах бури, а верхом на чудовищном волке. Вместо поводьев были у нее живые гадюки. Боги и люди, слыша волков в чащах разума, видя

змей у корней древа, тех и других уничтожали без жалости, вычищали их логова и норы. И чем больше убивали они серых волков и волчат, чем больше волчиц протыкали пиками, тем злей и страшней становились Фенрировы родичи в Железном лесу. Чем больше крушили змеям головы, чем больше топтали змеиных яиц, тем хитрей и ядовитей делалась Ёрмунганда и ее родня. Волк великанши был мерзок и пугающе силен. Пасть его была растянута в отвратительной ухмылке. Гадюки шипели, извивались и показывали клыки. Великанша спешилась, волк, огрызаясь, закрутился на месте. Один четырем берсеркерам из Вальгаллы приказал усмирить его, но даже великие воины опасались острозубых змей, которых пришлось прижать к земле рогатинами. Твари выли и шипели, а великанша увесисто, но ладно шла к ладье. Она была одета в волчью шкуру, и как у Тюра-охотника, над толстым ее лицом скалилась мертвая волчья голова. Хюрроккин невесело усмехнулась, уперлась рукой в корму черной ладьи и толкнула. Ладья покатилась к черной воде так быстро, что вспыхнули катки. Великанша рассмеялась, и могучий Тор, не сумевший и на волос сдвинуть ладью, взъярился. Замахнулся молотом и хотел размозжить ей

голову.

Великанша, защищаясь, вскинула тяжелый кулак, но тут боги взмолились: стойте, уймитесь, там — Бальдр. Тогда Тор снова воздел свой молот по имени Мьёлнир и призвал с небес гром и молнию, чтобы подожгли ладью и все, что на ней было. Синие язычки пламени замелькали на носу и корме, побежали по богатым уборам, по восковым телам Бальдра и его жены, заплелись в гриву охваченного ужасом коня, и вот вспыхнул костер уже не синим, а красным и золотым, и с ревом взметнулся вверх. Ладья с ее страшной ношей медленно выплыла в море. За ней тянулся след, алый, как кровь, и там, где встречалось небо с землей, пролегла полоса, черная на черном, зловеще подсвеченная неимоверным пламенем. Онемевший Тор замер с воздетым молотом, и тут у ног его метнулся какой-то карлик. Тор пнул его, и карлик улетел в самый огонь. Карлика звали Лит. Только это о нем и известно, что его звали Лит и что он сунулся, куда не нужно, за что угодил в костер и зажарился заживо.

Вокруг расползался запах горящего мяса, божьего, конского, карличьего, запах тлеющих пахучих трав и душистого дерева, кипящего вина, плавящегося золота и пара, клубами подымавшегося с

воды. Мир еще не погиб, но что-то гибло сейчас у всех на глазах, и впереди маячила неминуемая погибель.

Хюрроккин уехала к себе в Ётунхейм, и Тор не смог свести с ней счеты. Альвы и карлики, герои и валькирии плакали горючими слезами. Фригг не плакала. Она твердо решила повернуть смерть вспять и оживить Бальдра.

Хель

Девять дней и ночей скакал Хермод на восьминогом Слейпнире через царство смерти, по бессветным долинам, по бледным тропам. Все было серо: и вещи, и тени вещей. Все молчало, слышался только ровный стук копыт. Наконец показалась река Гьёль, окружающая замок Хель. У въезда на золотой мост стояла стражница, великанша Модгуд. Она преградила Хермоду путь:

— Кто ты и зачем здесь? От твоего коня больше шума, чем от всех мертвецов, что прошли и проехали по этому мосту. И что-то ты для мертвого

слишком румян…

— Я пришел за своим братом Бальдром.

— Бальдр? Проезжал тут такой недавно…

То ли не по себе стало великанше от странного гостя, то ли она его пожалела, но отступила Модгуд, позволила пересечь мост. В темноте перед Хермодом лежал край Хель.

* * *

Дворец Хель окружала исполинская железная ограда. Долго ехал вдоль нее Хермод, а ворот все не было. Правда, попалась ему пещера, в которой сидел страж, то ли пес-чудовище, то ли уродливый волк. Звали его Гарм. Он дыбил шерсть, рычал и щелкал окровавленными клыками.

Хермод оглядел лютого стража. Не затем приехал глашатай богов, чтобы драться с ним. Он развернул Слейпнира, чуть отъехал и пошептал ему на ухо. Слейпнир одним скоком перемахнул ограду и как вкопанный встал на другой стороне. Откуда-то доносилось бульканье и треск — это у кипящего котла под названием Хвергельмир дракон Нидхёгг пожирал злодеев. Хермод поехал дальше. Мертвые останавливались и смотрели на него, румяного, дышащего.

На их серых лицах было лишь два выражения:

бессильной злобы и холодной отрешенности. Тусклыми глазами вперялись они в Хермода.

Хермод въехал в престольный зал Хель. Спешился, повел Слейпнира в поводу. Страшно было бы потерять ему здесь коня. Зал был убран богато, стены увешаны золотыми и серебряными гобеленами, но как ни блестели они, тускло, серо, туманно было вокруг. Странный был это зал: то узким подземным ходом сдавливал Хермоду плечи, то расступался, распахивался огромной пещерой.

Хель восседала на своем престоле. Мертвая ее сторона была черная, а живая белая, в синих подтеках. Хмуро и строго глядела Хель. На голове у нее была золотая корона в алмазах, которые то ярко вспыхивали, то меркли, как задутое пламя. Рядом с ней на дивно изукрашенном престоле сидел Бальдр, а рядом с Бальдром его жена. Перед мертвым богом стояло богатое блюдо с нетронутыми стеклянистыми плодами. Золотой кубок с медом был не почат… Где твой румянец, прекрасный Бальдр?

Хермод поклонился повелительнице Хель:

— Хель, я пришел молить тебя, чтобы ты отпустила Бальдра обратно в Асгард. Боги, и люди, и все твари земные ослабели от горя и стали беспомощны. Только юный Бальдр вернет им надежду и тепло жизни. А больше всего горюет Фригг. Это она послала меня к тебе. Фригг не может жить без Бальдра.

— Не одна она потеряла дитя. По всей земле матери учатся жить без сыновей. Каждый день умирают юноши и не ропща переходят ко мне по золотому мосту. Только в Асгарде воины гибнут и тут же воскресают, словно это игра, а к вечеру уже снова пируют. В непрощающем мире земном и тут, под землей, смерть не игра.

— Но с этой смертью в мире стало темней.

— Значит, так тому и быть, — отвечала Хель.

Бальдр сидел ко всему безразличный и молчал. Нанна склонилась к нему на плечо, но он не обнял ее.

— Хорошо, — заговорила наконец Хель, дочь Локи, вышвырнутая Одином из Асгарда. — Скажи Фригг, что я отпущу Бальдра, если каждая живая душа на земле и под землей, на небе и в океане заплачет по нем без принуждения. Любовью не спасла его Фригг, может, спасет скорбью? Но

если во всем мире хоть один глаз останется сух, Бальдр никогда не покинет моего царства. Как видишь, мертвые почитают его, и за моим столом он первый гость…

Хермод знал, что должен передать этот ответ Фригг, знал и то, куда движется миф. Но может быть, подумал он, свирепая воля Фригг, ярость ее любви и властный голос переведут миф в другое русло, и Бальдр проедет обратно по мосту, по которому никто еще не возвращался…

Он молча поклонился, и тогда Бальдр разомкнул бледные губы и тихо проговорил, протягивая ему волшебное кольцо, что Один положил на костер:

— Возьми, нам оно не нужно. У Хель много золота и серебра.

Асы разослали гонцов: юных богов и мудрых птиц, всадников и скороходов с одной единственной вестью: весь Мидгард, все живое и неживое, смола ли бежит в нем, кровь ли, холодная или теплая, — весь Мидгард должен выплакать Бальдра из-под власти Хель. Хёд Темный плакал в своем лесном логове. Овцы и коровы сопели, ревели и рыдали. Воющие обезьяны и медведи-рыкуны утирали слезы. Гремучие змеи и гадюки жалобно шипели, замирая с глазами, полными слез. Ка-

пали сталактиты и сталагмиты. Гейзеры теплые слезы смешивали с обжигающим паром, камни покрывались соленой влагой, словно после морозов настало тепло. Леса исходили туманами, долы — росой. Яблоки, виноград, гранаты, княженика и царская ягода сделались скользкие от слез. Небесную твердь затянуло густым слезным облаком, и твердь плакала. Под водой в зеленых зарослях создания, населявшие Рандрасиль, капали солеными слезами в соленую воду, морские звезды, лиловые кальмары, выдры и слизни, морские уточки и морские ушки добавляли к соли соль. Рыбьи глаза без век и китовьи, глубоко ушедшие в жир, лили воду в воду, и разбухшее море наползало на берега. Плакали тихие заводи и шумные ключи, и даже каменные водопойные колоды. А в колодах красные черви-нематоды оплакивали Бальдра, ясный свет ушедший. У Игдрасиля вода карабкалась вверх по канальцам и капала с мокрых листьев на сырую кору и влажную почву. Боги рыдали в золотом своем чертоге, и даже Фригг, окаменелая и бесслезная, возрыдала наконец. Завеса слез покрыла ее лицо, гладкая водяная пелена, как на залитых половодьем травянистых речных берегах. Земля, море и небо сделались едины и рыдали, как одно существо.

Но опять, опять нашлось исключение. На этот раз не омела. Никто не был забыт в этот раз, просто в сухой пустыне отыскалась тварь, не похожая ни на кого. Верный гонец бесстрашно ступил в расселину рыдающей скалы, прошел мокрыми каменными ходами и увидел черный провал. Там внутри было душно и сухо, и огромный кто-то покачивался в темноте, охватив себя руками.

Но спросим сперва: кто же был тот гонец? Должно быть, кто-то близкий к Фригг, может, прислужница Гна, творившая в мире ее волю. Тварь в провале шелестела, сухо потрескивала, как дрова в огне, вертелась, развевая черное вретище. Лицо у нее было — сухая черная кость. Глаза глядели из глубоких ям, в безгубом рту теснились черные зубы. Наверно, горная великанша, подумала Гна. Тихо приблизилась и сказала, что пришла просить ее оплакать Бальдра. Вместе с целым миром оплакать, чтобы вернуть миру его и его свет.

— Кто вы, матушка? — спросила Гна.

— Тёкк, — шелестнул сухой голос из черной костяной клетки и, словно камнем по камню скребя, продолжал:

Сухими слезами

Тёкк оплачет
кончину Бальдра.
Ни живой, ни мертвый
он мне не нужен,
пусть хранит его Хель.

Гна очнулась на горной тропе. Мир исходил слезами. Понуро вернулась Гна к Фригг и сказала, что тварь по имени Тёкк плакать не станет.

— Тёкк значит мрак, — проговорила Фригг. — Не верю я, что это горная великанша. И та старуха с омелой вовсе не старуха была.

Мир лишился весны. Радуги стояли над ним водянистые, ненастоящие: цветные пятна лихорадочно проступали сквозь густую тучу, навек повисшую в небе. Море, опоенное слезами, приливало неравномерно и непредсказуемо. На земле все набухло от невысыхающей влаги и поникло под собственной тяжестью. По коре Иггдрасиля ползли пятна плесени и гнили. Рандрасилю тут и там соскоблили кожу щетинистые язычки морских тварей, жадно лизавших его слезы. Сердце мира отяжелело, и тоскливая лень залегла везде.

Боги решили, что Тёкк — это Локи в облике великанши. Боги винили Локи за то, что он сделал, — за смертоносную шутку с омелой — и

за многое, чего не делал он: за страшные сны Бальдра, за дурную погоду, за вечную мокреть, за обжигающее солнце, за темные дни, за недобрый ветер. Он всегда был враждебен асам, а теперь решили они, что он — их главный враг. Боги жаждали мести. Они умели мстить.

Дом Локи

Локи жил высоко. Его дом стоял на неприступном утесе над водопадом Франанг. Вода обрушивалась в глубокую заводь и выбегала из нее быстрым ручьем. Дом Локи был прост: всего одна комната и четыре широких двери, распахнутых на все стороны света. Иногда, обернувшись соколом, Локи сидел на коньке крыши и зорким глазом высматривал тех, кто однажды придет за ним. Скарба было у него немного: посредине огромный открытый очаг под дымоходом, да еще столы, где хитроумный Локи раскладывал вещи,

которые изучал. Один за знание заплатил глазом, пошел на опасность, вытерпел муку. Один познал силы, скрепляющие мир, и руны, в которых эти силы явлены и усмирены. На древке его копья, сделанном из живой ветви Ясеня, были вырезаны великие договоры и клятвы. Этим копьем Один поддерживал мир на земле и владычество богов, которых, как мы видели, люди называли словами, означающими связи и путы. Один владел магией — знанием, дающим власть над людьми и богами. Издалека разил прогневавших его. Выпытывал ответы у норн, у мертвых, у подземных сил — все ради богов и эйнхериев. Месть его была страшна, и страшны жертвы, приносимые ему: преступники и пленные враги с вырванными легкими — «кровавые орлы», изломанные, вывернутые, истекающие. Никто не мог выдержать взгляд его единственного ока. Каждый опускал глаза.

Локи изучал мир, просто потому что хотел знать, как дышат и действуют его части. Он не был ни добр, ни бережен, по крайней мере, в мифах. В народных сказках он был демон огня, в основном благодетельный, согревающий очаги и печи. В Асгарде он был безрассудно дерзок, и плутоватая улыбка не сходила с его лица. Он был как лесной пожар в Асгарде, пожирающий все

на своем пути.

В обличье сокола Локи охотился на разную мелочь, приносил домой убитых зверьков, их мозги и легкие, и раскладывал на столе, высматривал, что за формы таит бесформенная губчатая масса легочных пузырьков, разветвленные вены, ворота легкого, через которые протянуты его корни. В мозгу он тоже находил немало любопытного. Ему нравились эти хитрые пухлые извивы, белые внутри, серые снаружи, нравилась расщелины меж долей. Человек на кресте — это просто живой крест, упрощенное дерево. В легком, в мозгу из многосложного, безбожного хаоса выступал порядок иного рода. Локи собирал и другие вещи, на первый взгляд лишенные стройной формы. Маховое перо устроено правильно и нехитро: одинаковые загнутые бородки рядком крепятся к стержню. Но вот пух — утиный и лебединый, то пышный, то примятый — пух весьма непрост, и в беспорядочной нежности крошечных бородок можно уловить собственный лад и черед.

Но больше всего занимали Локи огонь и вода. Огонь был его прирожденная стихия, но хитрец и рыбой умел обернуться, исполинским лососем, чтобы стрелой промчать вниз от вершины водопада, пересечь течения в глубокой заводи

и выплеснуться в стремительный ручей, что расходится надвое, обнимая большой валун.

Локи умел читать будущее по столбам дыма, по скачущим языкам пламени, красным, желтым, бирюзовым, вечно переменчивым, но верным себе. Почему дым, ровно и прямо уходящий в небо, вдруг разветвляется прихотливо-буйными завитками? Почему вода так гладко бежит к валуну, что видны в ней вереницы крошечных пузырьков, под которые славно подставить чешуйчатый бок, отливающий серебром и кораллом? И почему у самого валуна ручей вдруг разбегается на беспокойные струйки, и они стремят кто куда, скачут, петляют, играют пеной, то сливаются, то закручиваются в крошечные водовороты? Почему вода вдруг дичает, как дым, и становится на него похожа? Локи хотел поучиться у огня или воды — не покорить, а понять. Но слаще утоленного любопытства была забава. Локи любил хаос. Любил все яростное, непокорное, неуловимое. Где буйным вихрем взвился вдруг правильный мир — там Локи. Любил пустить все колесом: и потешиться, и понять поглубже. В струях черного дыма над полем битвы — Локи. В реках, распирающих берега, — Локи. В исполинских волнах — Локи: вон катит, сносит волноломы, корабли

и дома.

Он был одновременно беспечен и хитер. Умел приглядеть местечко под корягой на случай, если боги кинутся искать его. Умел, мерцая чешуей, слиться с речной галькой, знал глубокие ходы под землей, ведущие к морю, и омуты, где ничего не разглядеть в сосущей воронке.

Чтобы опередить богов, Локи приспособился думать, как они. Что сделает бог, чтобы уловить врага в облике большой и быстрой рыбы? Из длинных, крученых льняных шнуров сплетет сеть, перегородит ею выход из заводи и будет ждать, когда рыба запутается… Занятно, подумал Локи, и изобрел несколько новых узлов, да еще шнур-продержку, чтобы всю сеть стянуть вокруг бьющейся добычи. Теперь не уйдет, сказал он, и тут его очаг яростно задымил. Целый столб дыма сперва устремился вверх, а потом разошелся витыми струйками — знак, что выследили его боги и уже мчит к нему по тучам охота. Локи поспешно бросил сеть огню, тот фыркнул синими искрами и вгрызся в нее. Потом Локи обернулся птицей и полетел к водопаду. Там стал рыбой, скользнул вниз и ушел на глубину.

* * *

Свора богов на летающих конях, в колесницах, запряженных козлами и даже кошками, примчалась вместе с северным ветром и вломилась разом во все четыре двери. Огляделись боги — нет лукавца. А ушел-то недавно: и очаг, и зола в нем еще теплые. Мудрый бог Квасир, известный тем, что умел слагать стихи и песни, выступил вперед и стал рассматривать золу. В ней еще сохраняли свой призрачный облик поленья и хворост — тронешь, и рассыплется все безликой пылью. А поверх был словно выведен пеплом какой-то узор, правильный узор из пересечений, узлов, шнуров… Квасир рассмотрел как следует узлы, велел остальным ничего не трогать, обыскал дом и нашел запас льняного шнура.

— Это призрак хитрой сети-ловушки, — объяснил Квасир, кивнув в сторону узора. — Можно такую же новую сплести, если только понять узлы. Бог присел на корточки, и шнуры замелькали в его проворных пальцах.

Взяв сеть, боги крадучись подобрались к водопаду. Локи-лосось заслышал их приближение и приник к гальке, шевеля одними жабрами. Боги встали вокруг заводи и закинули сеть. Они

ничего не могли разглядеть под бурлящей водой. Лосось двинул плавниками, чтобы зарыться поглубже, и тут сеть накрыла его. Как же выбраться? Локи подумал было рвануть к краю заводи и там переплеснуться в вольно текущий ручей. Нельзя. У богов глаза острые, заметят. Тогда, может, сделать, как положено лососю: мощно выпрыгнуть у подножия водопада и пробиваться наверх? Локи был уверен, что он умней всех богов вместе взятых. (Хоть и невеликая это заслуга, добавил про себя гордый лукавец, тихо разгребая гальку.) Но тут Квасиру пришла мысль подвесить по краям сети грузы и протащить ее по дну. Так и сделали. Тор с одного края, прочие асы с другого медленно и уверенно повели сеть и вскоре наткнулись на что-то твердое. Тогда потянули боги за хитрый шнур и подтащили к поверхности бьющегося Локи — гибкого лосося с яростными глазами. Но вот Локи внезапно обмяк и дал подвести сеть к краю заводи. А там что было силы рванулся вверх и ушел бы, не схвати его Тор огромной рукой за хвост. Локи вырывался, но крепко держал его бог громов, мстя за бесчисленные насмешки и злые проказы. Боги завернули Локи в им же придуманную сеть и отвезли в Асгард.

Люди называли богов словами, означающими

связи и путы, и Локи связали и опутали боги так же, как его сына Фенрира. Сперва оттащили в пещеру. Там поставили ребром три плоских камня и в каждом пробили отверстие. Привели родных Локи, чтобы те увидели его побежденного. Не дикую семью из Железного леса, а верную жену Сигюн и сыновей Вали и Нарви. Сказали: пусть полюбуется многоликий, как изменятся лики его наследников. Превратили юного Вали в злобного волка, и в тот же миг он кинулся на брата и растерзал его. Потом, смеясь, убили и волка: Один вогнал ему в живот свое великое копье Гугнир. Хохоча, боги вырвали у сыновей Локи кишки и жилы. Ими же и привязали его к трем камням, так что один врезался ему между лопаток, другой между чресл, а третий под коленями.

Локи дергался в этой кровью каплющей паутине — может быть, думал, что не поздно еще стать мухой или уховерткой, улететь, уползти. Но боги пропели руны над путами из плоти, и те обернулись железом и впились невыносимо.

Скади, богиня гроз, веселая насмешница, принесла огромную змею, плюющую ядом, сунула ее в клетку и подвесила над лицом Локи, чтобы вечно капал на него яд.

Так пускай и остается, сказали довольные боги.

До Рагнарёка.

Тут Сигюн тихонько приблизилась к Локи с большой чашей и подставила ее под жгучие капли. Когда Сигюн отходила, чтобы выплеснуть яд, Локи от боли бился в путах, а люди думали, что это землетрясение.

Боги смеялись над Локи и его Сигюн.

Смеялись, а все же знали, что однажды настанет Рагнарёк, думала девочка. Фенрир-волк томился связанный, а Ёрмунганда по собственной воле опутала собой мир. Хель жила за железной оградой. Волки и змеи населяли разум, но люди и боги еще не утратили над ними власть. Как змея кружила в море, так небесные волки мчались вокруг земли, вечно преследуя День и Ночь, Солнце и Месяц. Не догоняя, но и не останавливаясь.

В немецкой книге Рагнарёк разражается сразу после рассказа о связанном Локи, словно в промежутке не случилось ничего достойного упоминания. Автор объясняет, что «Ragnarok это омрачение Regin, то есть, богов. Сумерки богов. Некоторые, впрочем, утверждают, что слово Rok значит „суд“. Тогда получается Суд над богами». «Сумерки» особенно хороши, хоть тут и ошибка в этимологии. Рагнарёк это, по-видимому, суд или судьба (Ragna — родительный падеж множе-

ственного числа от Regin). Если бы слово писалось Ragnarokkr, тогда получались бы «Сумерки богов». А так это просто досадная ошибка.

Девочка не понимала, почему в книге именно так говорится о смерти, мраке, Суде и Сумерках богов. Часть упоительной загадки «Асгарда» была в том, что все рассказывалось по нескольку раз, в новом порядке, с другой интонацией. Книга начиналась с перечисления богов, их деяний и судеб. Рагнарёк был там упомянут, он возникал на шестнадцатой странице в кратком поэтическом изложении. Но в конце о нем говорилось уже более простым языком, с живым чувством и оценкой событий. И еще — в самом уже конце — был стихотворный перевод «Прорицания вёльвы»[29]. Речь вёльвы звучала заклинанием, от которого по спине подиралмороз. Все было в настоящем времени. Пророческое видение будущего разворачивалось здесь и сейчас. Читая разные пересказы, девочка всякий раз созерцала гибель мира. Даже дурные сны Бальдра были предвестиями ужасов Рагнарёка. Эта история не похожа была на библейский рассказ о конце света, в котором бог воскресший, но неживой,

---

[29] Примечания: 29

Вёльва или вала — провидица в скандинавской мифологии.

возвращается, чтобы судить живых и мертвых. Здесь боги сами предстояли суду. Но кто был судия? Что вызвало Рагнарёк? Локи, ждавший, что его отыщут, поймают, свяжут, знал, что с началом его мук начнется время Рагнарёка. Его будут пытать, пока не настанет Рагнарёк. Никто, думала девочка, никто не сомневался в том, что грядет гибель: ни боги, ни волки, ни змеи, ни многоликий лукавец Локи. Все оцепенело следили за ее приближением, никак не пытаясь ее отвратить. Так кролик глядит на кровожадную ласку. Христианский бог наказывал грешников, а «хороших» мертвецов возносил на небо. Боги Асгарда были наказаны за то, что их мир и сами они были плохи. Недостаточно умны, недостаточно добры. Девочка думала о дикой охоте — на детских площадках, где все наваливаются на одного, в небе, где гудят бомбардировщики. Ей нравилось думать, что боги плохи и мир плох. Что миф вечен и все герои знают свою судьбу.

Тоненькая девочка и время

Думаю, в детстве это невозможно — вообразить конец всех вещей. Вокруг бушевала война, но девочка больше боялась вечной скуки, боялась, что не сделает ничего настоящего, что день за днем будет идти в пустоту. Думая о смерти, она вспоминала мальчика, жившего в доме напротив. Когда в школе сказали, что он умер от диабета, никто из детей не знал, что чувствовать. Одни засмеялись, другие заерзали на стульях. Девочка не стала воображать мальчика мертвым, остановилась на том, что его нет и больше не будет. Она

знала, что отец не вернется, но это относилось к ее жизни, а не к его. Отца больше не будет. Ей снились страшные сны о виселицах. Невозможно было представить, что человек способен обречь человека на такое: коротать дни в ожидании неотвратимого конца.

Рагнарёк

Начиналось медленно. Овес и ячмень ждали серпа, а в полях уже гуляли вихорьки колючего снега. Луна осеннего равноденствия, огромная и красная, еще висела в небе, а по ночам пруды уже затягивало льдом. В кувшинах замерзала вода. Все сильней становился холодный, пронизывающий ветер. Он не стихал теперь никогда, и люди привыкли накидывать капюшон и ходить, опустив голову. Виноград замерз прямо на лозах, и вскоре бочки наполнились волшебным, сладким ледяным вином. Не успели налиться

поздние осенние овощи, как ударил мороз, и все они повяли и скукожились. Леса опали рано, и сухие листья кружились на ледяном ветру. Свет поначалу был прозрачный и холодный, и все блестело вокруг: замерзшие колеи, сосульки на подоконниках и кустах — они и не думали таять, а наоборот, только прирастали и делались острей. Потом прочно установилась зима, и небо потемнело, затянулось свинцовыми снежными тучами. Самый воздух был полон снега, града, кружащих колких льдинок. Земля отвердела, уплотнилась под ногой, словно бы съежилась. Промерзла так глубоко, что лопата не брала. Морковь и репу было не вытащить, так вся и померзла. Прирастал лед на озерах, понемногу захватывал речные русла. Рыбы уходили на глубину. Сперва они могли еще плавать под ледяной толщей, потом, вялые, полумороженные, полумертвые, погрузились в ил. Мужчины выходили с топорами наколоть льда в кадушку, чтобы он потом растаял в тепле и получилась вода. Сначала все это их даже бодрило: испытание силы, испытание мужества. Коров загнали в коровники, овец взяли в дом — тех, что не замерзли насмерть в сугробах, растущих не по дням, а по часам. Под столом бродили куры, у очага нежились свиньи. Мужчины отравлялись

в лес на снегоступах, на лыжах, на санях, валили деревья на дрова, охотились на зайцев и кроликов, на оленей, что поменьше, на куропаток и разную птичью мелочь, примерзшую лапками к кустам. Но с каждым днем добыча становилась пугливей и хитрей.

Нужно было дожить до весны. Тогда день начнет прибывать, солнце растопит снег и лед, ветер уляжется и мороз перестанет жалить лицо и руки.

И вот наступил самый короткий день года. Люди плясали в снегу и жгли костры в честь солнцеворота: наконец-то на весну повернуло!

Но весна не пришла. Свинцовое небо чуть побледнело — только и всего. Земля, вода и воздух по-прежнему были пронизаны льдом.

Понемногу добрались до последних запасов. Закололи свинью, разделали, часть заморозили, часть пожарили. Курам, что не несли яиц, свернули шеи, ощипали и сварили. Новых взять было негде: цыплята почти все поумирали. Оттого что погиб урожай и замерзли поля, нечем было кормить овец, лошадей, ослов. Больше смелости ценилась теперь живучесть, и слишком дорого доставалась похлебка, чтобы кормить ею умирающих.

Снаружи, в вечных сумерках, мягко ходили и выли волки. Они были голодны и злы.

Так вот какая будет она, думали люди, — трехлетняя кромешная зима Фимбульветр. Толстое солнце светило красно и тускло, как умирающий уголь в очаге. Немного было от него света, да и тот отливал кровью. У людей ныло в суставах и в мозгу: так хотелось света ясного, теплого ветра, набухших почек, зеленой листвы. Зима перешла в новый год, а потом и в следующий. Моря замерзли, айсберги наползли на берега и загромоздили бухты. Тут начали люди понимать, что это и есть — Фимбульветр.

Тогда начали грабить. С воем и ревом налетали на соседские хутора, убивали слабых, опустошали тощие закрома. Приканчивали остатки хмельного меда, опивались вином, словно перед концом мира, — многие думали, что он не за горами. Голодный съест что угодно. Победители пировали среди трупов, которые уже рвали на части дикие звери. Хватали друг друга и падали у костров, совокупляясь с кем попало и с чем попало. Целовались, кусались, жевали, заглатывали, дрались в ожидании конца, медлившего наступить. Потом, разумеется, дошли и до человечины.

Небо делалось все плотней и непроглядней.

Дисы — женские твари с кожистыми крыльями — выли в ветрах, садились на утесы, смотрели на людей, а потом принимались кричать. Нидхёгг, огромный червь, точивший корни Иггдрасиля, выполз наверх и сосал кровь из мертвых, брошенных среди замерзающей слизи. Из Кипящего леса, где Локи лежал связанный среди гейзеров, еще пыхавших горячим паром, громче доносился волчий вой. Волки с окровавленными клыками рыскали в лесу, неслышно ступая по снегу. Волки рыскали в мозгу.

Настало время ветра и время волка — канун погибели.

Вот в таком они жили времени.

В Асгарде поблекло яркое золото, но по вечерам в достатке было вепревины, и волшебный вепрь успевал возродиться к новому пиру. Иггдрасиль весь дрожал, листья осыпались, ветви сохли — но еще стоял Мировой ясень. Один спустился к источнику у его корней и говорил с головой Мимира, лежавшей под черной, беспокойной водой. Никто не знает, что сказал ему Мимир, но вернулся он словно каменный. Боги ждали. Ничего не делали, ни о чем не думали, а может, и не могли думать. Идун лежала, свернувшись под волчьей шкурой. Ее молодильные яблоки

высохли и съежились.

А под льдом кипела земля. На юге, в Муспельхейме, бушевал древний огонь, и бродили в нем твари без облика, пылали и мерцали. Так и было искони, но теперь раскаленные камни, дожди из обжигающего пепла, длинные языки стеклянно блестящей лавы — сперва красно-золотые, плюющие брызгами, потом чернеющие и застывающие — проникали сквозь окаменелую землю. Все выше вздымались красные купола, исходящие пузырями и пеной, дышащие ядовитыми газами, пожирающие целые леса. Лес назывался Кипящим, потому что пещера, где пытали Локи, окружена была кипящими гейзерами. Теперь они бурлили еще яростней, извергали искры, и сама земля дрожала, словно мучимый зверь. И разорвались путы, связавшие Локи многоликого. И он стоял, смеясь, среди дыма, пара и урагана камней, а потом сквозь хаос двинулся на юг. Быстро прошел через священный лес и нашел связанного Фенрира-волка. Земля трескалась под ногами у Локи, валились деревья, и волшебная лента, сотканная из кошачьего топота, женских бород, рыбьего вздоха и птичьего плевка, усохла и распалась. Фенрир раскрыл пошире пасть и выплюнул окровавленный меч. Отряхнулся, и

шерсть на загривке задвигалась и зашипела, как огонь. Отец с сыном машисто зашагали вместе на юг, в край огня. Толстый лед лопался у них под ногами, зияли алые расселины. А они хохотали, они заходились хохочущим воем.

Границу Муспельхейма охранял Сурт Черный. У него в руке был пылающий меч, такой яркий, что больно смотреть. Вокруг Сурта вился дым. Страж поднялся — он был непомерно высок — потряс мечом и воззвал к товарищам. И потекли к нему под руку сыны Муспеля, целая рать с добела раскаленными мечами и пиками, с огненными пращами.

С высокого престола Один видел потом, как с ревом и грохотом мчали они к полю Вигрид, что на сто переходов раскинулось в любую сторону. Вот и настало время. Это было начало конца. Боги всю жизнь провели в ожидании последней битвы. Хеймдалль-глашатай встал и затрубил в великий рог Гьяллархорн — его для того и сделали, чтобы однажды прозвучал этот великий зов. Боги подымались, брали мечи, щиты, копья, тускло-золотые кольчуги. Собирались на бой эйнхерии. Один снова сошел с Иггдрасиля и говорил с головой Мимира в черной воде, еще больше почерневшей от сажи, сыпавшейся с неба. Великий

Ясень содрогался. Земля плясала, и ему трудно было держаться за нее корнями. Ветви его бессильно трепались на ветру, листья срывал ураган и сыпал в горячую воду: внизу закипал источник Урд. Боги перешли радужный мост Биврёст, связующий Асгард с Мидгардом. Еще не началась битва, а они были уже ослаблены: Тюру волк откусил руку, Один отдал глаз Мимиру, Фрейр за невесту заплатил волшебным мечом-самосеком, Торова жена Сиф облысела, растеряла свои волшебные волосы. Сам Тор, по словам некоторых сказителей, лишился молота, когда метнул его вслед Ёрмунганде. В сказках и мифах выиграть битву помогает лишь несокрушимая сила или благородная надежда, когда все уже, кажется, потеряно. У асов не было ни того, ни другого. Они были просто храбры и несовершенны.

Иггдрасиль клонился к земле. Его листья бессильно обвисли. Его корни иссыхали. Вода с трудом, по капельке подымалась по канальцам к кроне. Рататоск-Грызозуб верещал от страха, олени понурили головы. Черные птицы срывались с ветвей и ввинчивались в красное небо.

Море сделалось черное, как базальт, и все покрылось буйной бледно-зеленой пеной. Волны взбивали ее, как сливки, и она подымалась дро-

жащими стенами. Выше и выше стремились пузырьки, и наконец вся стена рушилась поверх других на крошащееся побережье.

Тем временем с востока приближался корабль. Он был красив и чудовищен — сделан из материяла легкого и мутно-просветного. Из мертвых ногтей сделан был призрачный корабль, из тех, что забывают обрезать покойникам, когда сердце остановилось, а ногти продолжают расти. Был он тускло белый и мертвенно серый, словно весь океанский мусор, что не может ни сгнить, ни распасться, густо налип ему на бока. Звался он Нагльфар. У руля стоял великан Хрюм. Совсем маленькой девочка представляла мертвый корабль как что-то вроде шхуны с призрачной оснасткой и летящими по ветру вымпелами. Позже виделась ей разбойничья ладья с высоким резным носом в виде дракона — длинная, словно змеиной кожей, покрытая слоями тускло лоснящихся ногтей. Были на ней вместе великаны инейные и огненные, и ладья летела в облаках обжигающего пара.

Земная кора кипела и брызгала, кожа океана

дико вздувалась. Гейзеры били со дна, и в бурных волнах качалась смерть: целые косяки серебристых, заживо сваренных рыб, остовы китов и нарвалов, косаток, гигантских кальмаров, морских змей — все это бурлило и распадалось от жара, холода и зло играющих волн.

Потом за кормой Нагльфара море вздыбилось горой. Гора эта зияла провалами и обтекала толстыми струями воды вперемешку с обрывками водорослей и крошками мертвых кораллов. Но вот вода схлынула, и показалась чудовищная голова Ёрмунганды, Мидгардской змеи, скрепившей мир кольцом из собственной плоти. Змея все подымалась, разворачивалась, потрясая мясистой короной, хвостом взметывая песок и камни, мутя целый океан. Нагльфар чуть качнулся на поднятой ею волне, и Хрюм приветственно потряс боевым топором. Тело змеи оплетали рваные водоросли, канаты и цепи, на которых висели мертвецы с черными дырами глаз и ран. Извиваясь, змея поплыла туда, где раскинулось поле битвы. Подобно отцу и брату, она хохотала, яд капал с ее клыков и вспыхивал пламенем на гребнях волн. Огромные водяные валы захлестывали берега, скалы, причальные стенки, лиманы, речные устья, прибрежные соляные болотца. Что

сталось с миром?

Когда разомкнулись кольца змеи, связавшей землю, лопнули и другие путы. Вырвался на свободу Гарм, пес Преисподней, и кинулся на подмогу своей волчьей родне. Солнце и Месяц нахлестывали коней в вечной скачке по небу. Но волки, неустанно мчавшие вслед, почуяв рядом Гарма, поняли: их время пришло. Ускорили бег и перекусили жилы светлого коня и коня темного. Кони бились и дико ржали. Свет обезумел: вспыхивал то белым, то черным, меркнул, как в преисподней, разливался грозовым багрецом. Вырвав коням глотки, волки набросились на ездоков. И пока колесницы кувыркаясь летели вниз, прямо в воздухе растерзали волки солнце и месяц, день и ночь, пожрали их мясо и опились кровью. Раньше иные думали, что звезды — это пробоины в черепе Имира, в которые извне проникает свет. Но теперь, когда волки, хохоча, устремились по небу в сторону поля Вигрид, свет стал высыпаться из звезд, и сами они, как погасшие головни или шутихи, дождем падали на кипящую и горящую землю. Завидев своих небесных братьев, Фенрир испустил приветственный вой. За это время он еще вырос. Теперь, распахнув пасть, он нижней челюстью касался земли, а

носом задевал череп Имира.

Боги и воины Вальгаллы берсеркерами ворвались на поле битвы. Грозным ревом звали врага на бой — уж это они умели. Волки, змеи, огненные и инейные великаны выли и шипели в ответ, а Локи стоял с улыбкой в алом, пляшущем свете пламени. Другого света уже не было в мире.

Воздев ясеневое копье, Один пошел на Фенрира-волка. Волк вздыбил холку, блеснул злыми глазами и распахнул пасть. Один метнул в нее копье. Волк встряхнулся и разом копье перекусил. Потом в три прыжка налетел на Одина, сжал в лапах, так что хрустнул хребет, и — проглотил. Фенрир-волк проглотил великого Одина. Зарыдали эйнхерии, зашатались, отступили было, но снова, уже молча, двинулись вперед. Ничего другого им не оставалось.

Дети Локи высились над полем боя, мешая волчий смех со злорадным шипеньем. Тор, охваченный скорбью, бросился на змею, кулаком и молотом раздробил ей череп. Ёрмунганда извивалась и извергала струи яда. Тор обернулся крикнуть богам, что не все еще потеряно, что змее пришел конец. Он прожил еще девять шагов, а на десятом, отравленный, упал замертво.

Были еще другие поединки. Однорукий Тюр в

своей волчьей шкуре боролся с псом Гармом, пока оба, изнуренные и израненные, не повалились наземь, чтобы больше не встать. Фрейр пал от сияющего меча Сурта. Видар, сын Одина, пробрался по трупам и вспорол Фенриру окровавленный бок. Волк захрипел, закашлял и упал, раздавив юного бога-мстителя.

Локи видел, как убивают богов его чудовищные дети. Видел, как боги убивают его детей. А потом, когда уже застывала кровавая слизь, покрывшая поле, Локи бился на мечах с Хеймдаллем, зорким глашатаем. В обоих кипела бесстрашная, отчаянная ярость. Противники сразили друг друга, и тела их упали накрест.

Земля досталась Сурту. Его огонь лизал искалеченные ветви Иггдрасиля и пожирал его корни в глубине земли. Чертоги богов валились в огненное озеро. Скорбная Фригг сидела на золотом престоле, глядя, как язычки огня перебегают по дверным косякам и гложут основание чертога. Она не пошевелилась, когда пламя охватило ее, а потом стала черным остовом, пеплом среди падающего пепла.

Суртов огонь кипел во чреве моря. Рандрасиль смыло яростным теченьем. Его дивная крона поблекла и умерла. Раскаленное море трепало

ее вместе с мертвыми созданиями, некогда находившими в ней кров и пищу.

Время шло, и однажды огонь потух. Осталась только жидкая черная гладь, на которой мигали искорки света, проникшего в пробоины черепа, да покачивались несколько золотых фигурок для игры в тавлеи.

Тоненькая девочка после большой войны

Картину всеобщей гибели девочка сберегла, словно овальную пластинку базальта или аспидного сланца. Этот плоский черный камешек она постоянно полировала в мозгу, где уже жили призрачный волк и змея с тяжкой тупоконечной головой и блестящими извивами хвоста. Девочка искала в книгах только то, что ей было нужно, и предпочла не воображать, не помнить то место в «Асгарде и богах», где говорилось о возвращении богов и людей на обновленную, зеленую равнину

Иды. Педантичный немец-редактор писал, что всеобщее воскрешение, скорее всего, — христианские наслоения на первоначальном суровом мифе. Этого было достаточно: девочка сразу ему поверила. Ей нужна была первоначальная концовка, где остается лишь черная вода.

Черный камешек в ее мозгу и темная вода на книжной странице были одним и тем же — особой формой знания. Так уж работают в нас мифы — вещи, существа, истории, населяющие разум. Их нельзя объяснить, и сами они ничего не объясняют. Миф не доктрина и не аллегория. Чернота погибшего мира поселилась у девочки в голове и примешивалась теперь ко всему, что она видела и переживала.

Девочка берегла Рагнарёк до времени, когда станет окончательно ясно, что отец не вернется. Но однажды глубокой ночью он вернулся. Девочка проснулась в своей комнатке с неснятой еще светомаскировкой, а на пороге стоял отец — сияние золотисто-рыжих волос, золотой крылатый значок на кителе, руки раскинуты ей навстречу. Девочка ринулась к нему, и в голове у нее рухнули стены, защищавшие от грядущего горя. Но черный камешек Рагнарёка остался.

Девочка и ее родные вернулись домой — в боль-

шой серый дом с покатым садиком в стальном городе, окутанном плотным серным облаком. Облако сомкнулось вокруг нее, и девочка почувствовала, как тяжело заработали отвыкшие от отравы легкие.

Мир вокруг чем-то походил на беньяновские аллегории. Их дом стоял на Мидоу Бэнк-авеню, которая раздваивалась недалеко от начала, а потом снова смыкалась, очерком напоминая продолговатую сковороду с длинной ручкой. От «ручки» крутая улочка сбегала в место, называемое Незер Эдж. Прошло немало времени, прежде чем девочка поняла красоту этих слов. Nether Edge значит ведь не только «нижний край», но еще — на старинном английском — «подземный край», а может, и «преисподний». Это, конечно, если произносить не скороговоркой и не думать, что там — мясная лавка с ее ножами, тесаками и обрубками, шумно проносящиеся автобусы и киоск, торгующий мороженым, леденцами и газетами.

Там, где раздваивалась Мидоу Бэнк-авеню, в середине был большой овальный газон, называвшийся Грин — по-старинному «луг». Грин окружала низкая, толстая каменная ограда, на которую можно было присесть, в одном его конце

столпились высокие деревья: дубы, буки. Должно быть, однажды это и был луг за деревней, звонкий луг Блейка[30], откуда доносились голоса играющей ребятни. Современные дети тоже любили там играть, но луг теперь был замурован в пригороде.

В свободное время, которого становилось все меньше по мере того, как продвигалась его карьера, отец девочки занимался садом. Позади дома была маленькая плоская лужайка и сарайчик со стиральным корытом. В конце лужайки стояла деревянная пергола-арка, памятная девочке еще с раннего детства. Архетипическая арка, густо увитая архетипическими розами, красными, белыми, конфетно-розовыми. За аркой садик круто сбегал вниз к Преисподнему краю. За время войны розы задичали, раскинулись шипастыми зарослями, как в сказках. Отец, напевая, подрезал их и приструнивал, подвязывал к нехитро сработанной арке. Смеялся, насвистывал, слизывал кровь с уколотых пальцев. Выписал из деревни серые камни, из которых так ладно кладут изгороди для овечьих пастбищ, и стал упорядочивать непослушный садик. Сделал ступенчатые

[30] Примечания: 30

Отсылка к стихотворению Уильяма Блейка «Звонкий луг» из цикла «Песни невинности». Здесь название в переводе С. А. Степанова.

террасы сухой кладки, засадил их лилиями, махровыми маками, розами, лавандой, розмарином. Из старой каменной раковины устроил крошечный прудок, где в скором времени поселились головастики и единственная колюшка, которую девочка поймала сачком на загородном пикнике, — сердитая быстрая рыбешка, получившая имя Умслопогас[31]. В общем, получилось красиво, и пускай в воздухе витала сажа — девочка любила отца, любила новенький садик и тихонько сипела усталыми легкими.

Мама девочки всю войну была подтянута, смела и предприимчива. Можно было бы ожидать, что, вернувшись наконец в свой большой и уютный дом, она узрит в этом счастливую концовку. Но с ней случилось то, что девочка много позже опознала как падение в повседневность[32]. Она не умела играть с собственными детьми, и девочка не помнила, чтобы она когда-нибудь читала им вслух (неустанно и щедро даваемые книги — дело другое). Во время войны, когда она работала

[31] Примечания: 31

Умслопогас — старый воин-зулус из приключенческого романа «Аллан Квотермейн» английского писателя писателя Генри Райдера Хаггарда (1856–1925).

[32] Примечания: 32

Отсылка к работам немецкого философа Мартина Хайдеггера (1889–1976).

в школе, у нее были подруги. Была, например, некая Мэриан[33] в зеленой шляпке с лихим фазаньим пером — играла с детьми в Робин Гуда, носилась с ними по лесу, стреляя из самодельного лука. Мама девочки только глядела на эти игры, мучась неловкостью, не зная, как поступить. А девочка глядела на маму и все запоминала… Но мама сумела все же вжиться в провинциальную жизнь и ее мифологию. Мальчишки, которых она учила, безусловно, любили ее. Они дарили ей всякую живность: ежика, с которого на ковер сыпались блохи, полный аквариум тритонов с красивыми гребешками — в брачный период они решили сбежать и все погибли, только иссохшие трупики нашлись потом под газовой плитой. Ежика мама выпустила в поле, начинавшееся за садом, а дарителю сказала, что сбежал. Мальчишка на другой день притащил еще одного, такого же блохастого. Его тоже выпустили. Приносили ей огромные, скользкие сгустки лягушачьей икры, а позже — банки с чернильными головастиками, лопавшими друг друга. В те дни мама ходила с девочкой гулять и нежно называла имена цветов. У девочки было полное собрание

---

[33] Примечания: 33
Вероятно, отсылка к деве Мэриан, легендарной спутнице Робин Гуда.

книг о Цветочных феях[34] с хорошими стихами и изящными картинками. Собачья роза, девичий виноград, красавка, фиалки, подснежники, первоцветы…

Долгожданное возвращение в город высосало из мамы жизнь — вот что поняла девочка много лет спустя. Неизбывный быт сломил ее. Мама растеряла подруг и подолгу спала днем, жаловалась на невралгию и мигрень. Постепенно слово «домохозяйка» стало равняться для девочки слову «узница». И она страшилась домашнего узилища, хоть и не вполне это осознавала.

Былая детская вольница, пшеничное поле, луг, ясень, боярышник, живая изгородь, заросший пруд, насыпь в цветах — воплотились в ее сознании в нечто родственное черному камешку Рагнарёка. Это была круглая зеленая дерновинка: корни деловито зарывались в землю, побеги тянулись вверх, кругом ползала, бегала, летала и плавала всевозможная живность. Еще был клочок ослепительно-синего неба, пшеничное золото и темная земля у подножья живой изгоро-

[34] Примечания: 34

Имеются в виду сборники рисунков английской художницы Сесили Мэри Баркер (1895–1973), на которых изображены цветы и феи. Изображения цветов отличаются большой точностью, в книгах они часто сопровождаются короткими стихотворениями.

ди. Маленький мир, куда ее эвакуировали — или изгнали. Таков, наверное, и был рай земной.

Девочка по-прежнему читала по ночам, часто возвращалась к «Асгарду» и «Пути Пилигрима». Лежала на животе у приоткрытой двери, чтобы свет из коридора падал на страницы. Заслышав шаги, ловко, как змея, отползала назад. Светомаскировку сняли. В окно спальни светила луна, на потолке плясали причудливые тени: кнуты, метлы, змеи перед броском, мчащие волки. Совсем маленькой она боялась теней. Теперь — упоенно вглядывалась, высматривала в их мелькании удивительных существ, придумывала о них истории. Тени на потолок бросал молодой ясень, по обычаю этих живучих деревьев, сам себя посадивший семечком прямо на пороге садового сарая.

Отец сказал, что ясень нужно срубить. Дикому лесному дереву не место в городском садике. Девочка любила ясень и любила отца, возвращенного ей вопреки всем мрачным предчувствиям. Она смотрела, как отец напевая рубит живое деревце и превращает его в дрова: ствол, ветки, поленья, щепа… И словно какая-то дверь захлопнулась для нее. Нужно привыкать жить обыденно, повторяла себе девочка, в этих вот

комнатах, в этом саду. Она снова дома, и снова вдоволь масла, сливок, меда, и все такое вкусное. Нужно радоваться каждому мирному дню.

Но по другую сторону двери был сияюще-черный мир, в котором она так долго жила. Мировой ясень и радужный мост, что казались вечными, а погибли в единый миг. Волк с щетинистым загривком, змея в короне из мясистых отростков, огненный улыбающийся Локи с его сетью, корабль из ногтей мертвецов, Фимбульветр и Суртово пламя. И в конце всего — черная безликая гладь под черным безликим небом.

Немного о мифах

Слово «миф» происходит от греческого μῦθος — «сказание». Сказанное как противоположность сделанному. И мы думаем о мифе в контексте его сюжета, хоть Хэзер О'Донахью во введении к своей весьма интересной книге о скандинавских мифах и отмечает, что есть мифы, практически лишенные сюжетной составляющей. Миф для нас это, говоря широко, история, объясняющая или воплощающая в символах происхождение нашего мира. Карен Армстронг в «Краткой истории мифов» пишет, что миф — способ объяснить

непонятное в категориях человеческого бытия (отождествление солнца с золотой колесницей) и что почти все мифы рождаются из страха индивидуальной смерти и видового вымирания. Ницше[35] в «Рождении трагедии» соотносит мифы с грезами и сказками, определяет их как продукт аполлонического принципа гармонии и способ отгородиться от страха перед дионисийским хаосом и оргиастическим разрушением. Трагедия обуздывает первобытную силу музыки, создавая прекрасные, иллюзорные образы богов, демонов и людей — посредством этих образов страх делается выносим. Ницше пишет: «…без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы; лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое. Все силы фантазии и аполлонических грез только мифом спасаются от бесцельного блуждания. Образы мифа должны незаметными вездесущими демонами стоять на страже; под их охраной подрастает молодая душа, по знамениям их муж истолковывает себе жизнь свою и битвы

[35] Примечания: 35

Фридрих Ницше (1844–1900) — немецкий философ, классический филолог и поэт.

свои...»[36]

Ницше превозносит Эсхила и Софокла, наделявших свои пьесы мифическими персонажами, и порицает Еврипида с его стремлением «очеловечить» классических героев и дать каждому собственный, уникальный характер.

Еще девочкой я понимала разницу между мифом, сказкой и романом. Боги, демоны и прочие мифические существа лишены индивидуальности в обычном ее понимании. У них нет душевных свойств (впрочем, Фрейд использовал миф об Эдипе для описания механизмов бессознательного) — у них есть лишь неизменные характеристики: Гера и Фригг ревнивы, Тор свиреп, Марс воинственен, Бальдр — воплощение красоты и добра, Артемида Эфесская — девственная подательница плодородия. Я помню, как впервые увидела Артемиду в ее каменной плоти, со множеством сосцов, — и поняла, что в каком-то смысле она более реальна, чем я, потому что больше людей верили в нее, думали о ней, связывали свою жизнь с ее волей.

Мифический герой во многом реальнее героя романа. Дон Кихот стремится проникнуть в об-

---

[36] Примечания: 36
Перевод Г.А. Рачинского.

ласть мифа, и разрыв между его фантазиями и действительностью сам по себе приобретает масштаб почти мифологический. Анна Каренина, князь Мышкин, Эмма Бовари, Густав фон Ашенбах — персонажи с уникальным внутренним строем, но и тут примешались обобщающие мифы. В душе Ашенбаха борются Аполлон и Дионис. Князь Мышкин стремится к христоподобию. Несколько лет я вела курс для студентов-вечерников, называвшийся «Миф и реальность в романе». Мы изучали мифы, в разной форме вплетенные в ткань более или менее реалистических произведений. В моих собственных романах тоже звучат отголоски мифов, ставшие неотъемлемой частью их сути и формы, равно как и мировоззрения их героев. Я выбрала для обсуждения со студентами скандинавский миф о Рагнарёке, потому что, читая и перечитывая в детстве книгу «Асгард и боги», впервые ощутила разницу между мифом и сказкой. Я не верила в нордических богов, более того, Эдды помогли мне понять, что христианство — такой же пояснительный миф, только менее занятный и волнующий. Сюжет мифа редко радует читателя. То ли дело сказка. Сказки для меня — это истории об историях, дарящие читателю радость узнавания бесконечных вариаций

одного и того же сюжета. Суть сказки — если закрыть глаза на обилие жестокости и страшные кары, постигающие злодеев, — в приятной предсказуемости счастливого конца: хорошие герои благоденствуют и радуются потомству, плохие получают по заслугам. Впрочем, сказка сказке рознь. Братья Гримм говорили, что собранные ими сказки в первую очередь отражают коренные верования их германских предков. А вот Ганс Христиан Андерсен редко писал вещи с обобщенным фольклорным сюжетом. Его сказки авторские, фантазийные, в них подробно прописаны характеры и чувства. В детстве я думала, что Андерсен хочет меня как читательницу напугать или огорчить. Я и теперь так думаю.

Как я уже говорила, мифы редко дарят радость. Чаще — мучат, смущают загадками, не дают покоя уму. Они по-своему меняют наше восприятие мира, во главу угла ставя не радость, а встречу с непостижимым, со сверхчувственным, с нуминозным, говоря модным словом моих студенческих лет. В детстве сказки виделись мне изящными переливчатыми ожерельями из самоцветов, резных деревянных шариков, эмалевых бусин. Мифы были сродни огромным пещерам, где соседствуют трагический мрак и ослепитель-

ный цветной свет, где одно выявлено слишком ярко, а другое окутано густым туманом. Моя мать дала мне как-то прочесть стихотворение У. Дж. Тернера[37], в котором хорошо показано, как человек попадает под власть мифа:

Романтика

В тринадцать лет попал я в край
Чудесный, золотой.
Кракатáу и Котопáхи
Ум пленили мой.

Отец мой умер, умер брат,
Но боль была легка.
Великий Попокатепетль
Сквозь тучи мне сверкал.

Кипели игры во дворе,
А я был как во сне —
Кракатау и Котопахи
Дали друга мне.

Со мной по улицам шагал

[37] Примечания: 37

Уолтер Джеймс Рэдферн Тернер (1884–1946) — английский поэт и писатель, уроженец Австралии.

Тот отрок золотой.
О ясный Попокатепетль,
На нас был отсвет твой.

Мы шли вдвоем, и я молчал,
Я камня был немей:
Кракатау и Котопахи
Рот замкнули мне.

И я смотрел в его лицо,
Не отрывая глаз.
О ясный Попокатепетль,
То был твой высший час:

Машины, люди – было все,
Как скопище теней.
Кракатау и Котопахи
Пленили душу мне!

Я узнала это состояние ума, этот живой, инакий мир. Только вместо Кракатау и Котопахи в голове у меня звучало: Гиннунгагап, Иггдрасиль, Рагнарёк. И позже бывало со мной такое. Вместе с Энеем я видела Сивиллу Кумскую, бьющуюся в невыносимой муке: «Immanis in antro bacchatur

vates»[38]. Любовалась, как великолепный Змий у Мильтона, виясь тугими кольцами, пересекает райский сад[39].

Когда издательство «Кэнонгейт» предложило мне написать миф, я сразу поняла, за что возьмусь. Конечно, за Рагнарёк — грандиозный миф, где погибают сами всесильные боги. Есть варианты, в которых мир, кончившись черной водяной гладью, очищается и возрождается, как мир христианских мифов после Страшного суда. Но в книгах, которые я читала, говорится, что тут могло сказаться влияние христианской доктрины. Да и слабоват этот финал в сравнении с тем, где так великолепно гибнет целый мир. Нет, Фенрир-волк проглотил отца богов, змея отравила Тора, все сперва сгорело в красном зареве, а потом потонуло во мраке. Весьма внушительная концовка, если можно так выразиться.

Для мифа я должна была найти новый голос: без надрывного пафоса, без монотонности, без из-

---

[38] Примечания: 38

Отсылка к «Энеиде» римского поэта Вергилия (70–19 гг. до н. э). Ниже соответствующий отрывок приведен полностью в переводе С.А. Ошерова, цитируемая фраза выделена: *Вещая жрица меж тем все противится натиску Феба, Точно вакханка, она по пещере мечется, будто Бога может изгнать из сердца.*

[39] Примечания: 39

Отсылка к поэме английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай».

лишней назидательности. Это оказалось трудней, чем я думала. Мир, в котором я живу, все реже мыслит категориями чистого мифа, и многие писатели в этой серии предпочли придать мифам форму современного романа, в пересказе наделив героев индивидуальной психологией. К слову, особенно интересный пересказ мифа о Рагнарёке можно найти в книге датского писателя Вилли Сёренсена «Рагнарёк. Сказание о богах». Сёренсен пишет, что он вырос в мире, пропитанном идеями христианского мыслителя Н.Ф.С. Грундтвига, в «Северной мифологии» 1808 года утверждавшего, что битва богов и великанов «есть битва духа против низких сторон человеческой натуры, вечная битва культуры и варварства». Последователи Грундвика верили, что «новый мир» Гимле, возникающий в Старшей Эдде после Рагнарёка, — метафора Второго пришествия, новая земля под новым небом, предсказанная в Откровении Иоанна Богослова. Сёренсен, как и немецкие авторы «Асгарда и богов», предполагает, что поскольку нордические мифы были записаны исландцами-христианами, их толкование и изложение могут нести на себе отпечаток христианской доктрины. После поражения, понесенного от Пруссии в 1864 году, датчане тоже предпочитали

картину мира, где после Рагнарёка рождается Гимле. Версия Сёренсена отражает стремление скандинавов освободить миф от германского (а позже нацистского) призвука, возникшего вместе с Вагнеровской «Гибелью богов». Чтобы спасти в пересказе скандинавский миф, Сёренсен решает «очеловечить» его, представив Рагнарёк как противостояние властолюбия и любви. В центре книги Локи — бог и великан, оказавшийся на распутье. Даже Вальгалла у Сёренсена получилась какой-то человеческой и домашней. Его боги наделены сложной психологией, они глубоко чувствуют, сомневаются, страдают. И мир в его пересказе кончается навек. Выбирая между Гимле и Рагнарёком, он выбрал Рагнарёк, чем навлек на себя гнев своих соотечественников-христиан. То, что делает Сёренсен, очень интересно, — но именно этого я решила избегать.

Раз или два я попыталась было найти способ рассказать миф так, чтобы сохранить его инакость, но в конце концов поняла, что пишу для себя в детстве, опираясь на то, какими виделись мне миф и мир, когда я читала книгу «Асгард и боги». Тогда я ввела еще одну героиню — тоненькую девочку, окруженную большой войной. Девочка тоненькая отчасти потому, что такой

она и была, а отчасти — потому, что так описан ее мир, ее читающая и думающая головка, ее умение Рагнарёк и «Путь Пилигрима» связать с собственной жизнью. Все в ее мире светло, тонко и пугающе непрочно. Но моя история не о ней.

Война грозила разрушить мир тоненькой девочки, и девочка противопоставила войне свой собственный миф: если (или, скорее, когда) она погибнет, земля продолжит обновляться с каждой весной. Луг был полон цветов, а небо птиц, в зеленой изгороди вели невидимую борьбу сотни существ, в воде плескалась и извивалась всевозможная живность. Миф о гибели богов являет собой линию с началом, серединой и концом. Столь же линейна и человеческая жизнь. Рагнарёк весь устремлен к катастрофе в конце и (может быть) к последующему возрождению. Девочка верила, что живое возрождается вечно.

Но когда пишешь свою версию Рагнарёка в двадцать первом веке, не можешь не думать о другой катастрофе. Мы — единственный вид животных, разрушающий собственный мир. Не из злобы — или, по крайней мере, не столько из злобы, сколько от гремучей смеси исключительного ума, исключительной жадности, исключительной плодовитости и врожденной близорукости.

Каждый день я читаю о вымирающих животных, о побелении коралловых рифов, об исчезновении трески — той самой трески, которую тоненькая девочка ловила на удочку в кишевшем рыбой Северном море. Я читаю о том, как человек с невероятной изобретательностью и честолюбием осуществляет губительные проекты: роет нефтяные скважины в море, прокладывает дорогу поперек миграционных маршрутов зверей в парке Серенгети. Человек выращивает спаржу в Перу и использует для ее перевозки гелиевые дирижабли, чтобы сократить объем выбросов углекислого газа. При этом его же фермы грозят весь регион оставить без воды. Поэтому я хотела написать о гибели нашего собственного Мидгарда — но без метафор и нравоучений. Почти все известные мне ученые считают, что люди как вид все быстрей движутся к гибели. Луговые цветы, которые девочка в книге считает бессмертными, частью уже вымерли из-за современных методов ведения сельского хозяйства. Ржанки уже не летают тучами. Скворцы не разбивают о камни улиточьи домики. Домовые воробьи исчезли из наших садов. Змея Ёрмунганда — в каком-то смысле центральная героиня моей истории. Она любит рассматривать рыб, которых потом

убивает ради пищи или забавы, и восхищается кораллами, прежде чем стереть их брюхом в белую пыль. Она отравляет мир вокруг, потому что такова ее натура. Когда я начинала работать над этой книгой, зловещий корабль Нагльфар, сделанный из ногтей мертвецов, был для меня метафорой того, что сегодня называют тихоокеанской мусорной воронкой. Это водоворот неразлагающегося пластика, размерами превышающий Техас. Я много думала о том, что вырос он из обычных пластиковых стаканчиков, плававших в океане, — тех самых, что с огорчением увидел Тур Хейердал[40] во время путешествия на плоту Кон-Тики в 1947 году. Но я хотела рассказать миф по его собственным правилам, показать его таким, каким впервые увидела его тоненькая девочка.

Я уже говорила, что не хочу очеловечивать богов. Но я всегда помню слова самого мудрого человека, писавшего о богах, людях и смерти, — Людвига Фейербаха[41]. «Homo homini deus est»:

---

[40] Примечания: 40

Тур Хейердал (1914–2002) — норвежский путешественник, археолог и писатель.

[41] Примечания: 41

Людвиг Фейербах (1804–1872) — немецкий антропотеист и философ-материалист.

«человек человеку бог», писал он, объясняя, что наши боги любви, гнева, храбрости, доброты — проекции человеческих качеств, данных нам в самосозерцании. Он имел в виду воплощенного бога христианской религии, бога, по его убеждению, созданного самим человеком. Джордж Элиот[42] легко и изящно перевела его «Сущность христианства», и влияние этой книги явно прослеживается в ее собственных сочинениях.

Есть и еще одна причина, по которой скандинавские боги так странно похожи на людей: они глупы и несовершенны. Они жадны и жестоки, они любят игры и драки, охоту и грубые шутки. Они знают, что надвигается Рагнарёк, но не могут придумать, как его предотвратить или изменить ход мифа. Они умеют с честью гибнуть на поле брани, но неспособны сделать мир лучше. «Homo homini lupus est»: «человек человеку волк», писал Гоббс[43] о волке, живущем в каждом из нас. Гоббс мрачно смотрел на жизнь человеческую, считая ее одинокой, нищей, низкой, жестокой и краткой. Локи единственный умный герой на

[42] Примечания: 42

Джордж Элиот — псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс, (1819–1880).

[43] Примечания: 43

Томас Гоббс (1588–1679) — английский философ-материалист.

весь миф, но он безответственен, своенравен и недобр. В своей великолепной работе «Я видел гибель мира», посвященной Вагнеровскому оперному циклу «Кольцо нибелунгов», Дэрик Кук[44] показывает, как умно Вагнер создает на основе мифов образ Локи. Вагнеровский Логе, пишет Кук, одновременно бог огня и бог мысли. Локи из древних мифов лишь наполовину бог и, возможно, состоит в родстве с великанами и демонами. Есть вероятность, что тут этимологическая ошибка, и германский дух огня Логи не связан с Локи из Старшей и Младшей Эдды, но у Вагнера Логи может одновременно разрешить самую головоломную задачу и сжечь Мировой ясень Иггдрасиль. Девочкой я всегда была на стороне Локи, умного и всем чужого. Начав писать эту книгу, я поняла, что бога-проказника притягивает хаос: в мифах о нем присутствует огонь и водопады — они не имеют постоянного облика, но сторонники теории хаоса усматривают в их беспорядочном движении некий порядок. Локи — это порядок среди разрушения и разрушение устоявшегося порядка. Если бы я пошла по пути аллегории, он стал бы символом отвлеченного на-

[44] Примечания: 44
Дэрик Томас Кук (1919–1976) — английский музыкант и музыковед.

учного интеллекта, который может спасти нашу планету, а может и ускорить ее гибель. Но в моей книге мир гибнет, потому что ни всесильные боги с их слишком человеческими слабостями и распрями, ни огненный мыслитель Локи не знают, как его спасти.

Источники

Мифы

Boyer, Régis, ed. and trans., *L'Edda Poétique.* (Paris: Fayard, 1992). На французском, с полезными научными статьями.

Magee, Elizabeth, selec. and ed., *Legends of the Ring.* (London: Folio Society, 2004). Большой сборник, включает переводы отдельных частей Младшей Эдды, выполненные Джин Л. Янг, и весьма удачные переводы из Старшей Эдды, принадлежащие перу Патрисии Терри.

Sturluson, Snorri, *Edda*, ed. and trans. Anthony Faulkes. (London: Everyman, 1987).

Stange, Manfred, ed., Die Edda. (Wiesbaden: Marixverlag, 2004). На немецком, написано весьма живо.

Wagner, W., *Asgard and the Gods*, adap. M.W. Macdowall, and ed. W.S.W. Anson. (London: 1880)

Книги о мифах

Armemphasis, Karen, *A Short History of Myth.* (Edin-burgh: Canongate Books, 2005)

Boyer, Régis, *Yggdrasill. La réligion des anciens Scandinaves.* (Paris: Bibliotheque historique Payot, 1981, 1992). Написано уверенно и с воображением.

Cooke, Deryck, *I Saw the World End. A Study of Wagner's Ring.* (London: Clarendon Paperbacks, 1976). К сожалению, не закончено и опубликовано посмертно. Много интересных идей и сведений о мифах и о том, как Вагнер с ними работал.

Nietzsche, Friedrich, *The Birth of Tragedy and The Genealogy of Morals,* trans. Francis Golffing. (New York: Anchor Books, 1956). Книга впервые опубликована на немецком в 1872 под названием *Die Geburt der Tragodie.*

O'Donoghue, Heather, *From Asgard to Valhalla.* (London: I.B. Tauris and Co., 2007). Автор рассматривает мифы и их отголоски в позднейшей литературе.

Sórensen, Villy, *Ragnarok* (1982). На датском. Перевод на английский Полы Хострап-Джессен, английское название *The Downfall of the Gods.*

(Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1989).

Steinsland, Gro, *Norron Religion.* (Oslo: Pax Forlag, 2005). Прекрасно иллюстрированное, интересное исследование, которое пора бы перевести на английский.

Turville-Petre, E.O.G., *Myth and Religion of the North Holt.* (London: Weidenfeld and Nicholson, 1964).

Некоторые растения и животные

Ellis, Richard, *Sea Dragons.* (Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2003)

Ellis, Richard, *Encyclopedia of the Sea.* (New York: Alfred A. Knopf, 2006)

Gibson, Ray, Benedict Hextall and Alex Rogers, *Photographic Guide to the Sea and Shore Life of Britain and North-West Europe* (Oxford: Oxford University Press, 2001)

Huxley, Anthony, *Plant and Planet.* (London: Allen Lane, 1974); revised edition (London: Pelican, 1978)

Jones, Steve, Coral: *A Pessimist in Paradise.* (New York: Little, Brown, 2007)

Kurlansky, Mark, *Cod.* (New York: Vintage, 1999)

Mech, L. David, *The Wolf: The ecology and behaviour of an endangered species.* (Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1970, 1981)

Mech, L. David, and Luigi Boitani, eds., *Wolves: Behaviour, Ecology and Conservation.* (Chicago: University of Chicago Press, 2003)

Tudge, Colin, *The Secret Life of Trees: How They Live and Why They Matter.* (London: Penguin, 2006)

Предостережения

Ellis, Richard, *The Empty Ocean.* (Washington, DC: Island Press/Shearwater Books, 2003)

Harvey, Graham, *The Killing of the Countryside.* (London: Jonathan Cape, 1997)

Pauly, Daniel, and Jay Maclean, I*n a Perfect Ocean: The State of Fisheries and Ecosystems in the North Atlantic Ocean.* (Washington, DC: Island Press, 2003)

Rees, Martin, *Our Final Hour.* (New York: Basic Books, 2003)

Roberts, Callum, *The Unnatural History of the Sea: The Past and Future of Humanity and Fishing.* (London: Octopus, 2007)

И хаос...

Gleick, James, Chaos: *Making a New Science.* (New York: Viking Penguin, 1987; and various editions from then on)